

Юридическая психология

№ 3 / 2017

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. Рег. ПИ № ФС77-29367 от 23.08.2007 г.

Издается с 2006 г. Периодичность — 2 раза в полугодие

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Издательская группа «Юрист»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Белых-Силаев Д.В.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Полковников Р.М.

ПОМОЩНИКИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Еремин Н.П., Коломойцев М.М.,
Супрун В.Н., Фролов В.А., Юрасов Н.Н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Багмет А.М., к.ю.н.
Балашов Н.М., к.ю.н., проф.
Вехов В.Б., д.ю.н., проф.
Георгадзе М.С., д.псх.н.
Германов Г.Н., д.п.н., проф.
Горленко В.В., д.в.н., к.ф.н., проф.
Гурьянов Ю.Н., д.псх.н., проф.
Дмитриев И.В., к.псх.н.
Дворянчиков Н.В., к.псх.н.
Дозорцева Е.Г., д.псх.н., проф.
Дьячук И.А., к.соц.н., доц.
Зинченко Ю.П., д.псх.н., проф.
Иванков Ч.Т., д.п.н., проф.
Караяни А.Г., д.псх.н., проф.
Кекелидзе З.И., д.м.н., проф.
Ковалев О.Г., д.ю.н., проф.
Кокурин А.В., к.псх.н., доц.
Котенев И.О., к.псх.н., доц.
Маликов С.В., д.ю.н., проф.
Марченков В.И., д.п.н., проф.
Мишуткин И.В., к.ю.н.
Можгинский Ю.Б., д.м.н.
Мягих Н.И., к.псх.н.
Пашин С.А., к.ю.н., проф.
Попов Д.Г., к.п.н.
Простяков В.В., к.псх.н., доц.
Родионов В.А., д.п.н., проф.
Сафуанов Ф.С., д.псх.н., проф.
Селиверстов В.И., д.ю.н., проф.
Столяренко А.М., д.псх.н., проф.
Холодный Ю.И., д.ю.н., проф.
Цветков Ю.А., к.ю.н.
Эминов В.Э., д.ю.н., проф.
Яковлев В.Ф., д.м.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

РЕДАКЦИЯ:

Калинина Е.С., Лаптева Е.А., Платонова О.Ф.

115035, г. Москва, ул. Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел./ф.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Подписные индексы:

«Роспечать» — 20626; «Объединенный каталог» (АРЗИ) — 91913;

«Каталог российской прессы» — 12779

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПСИХОЛОГИЯ

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Егорова Е.В., Бурыка Д.А.* Достижения психологии как резерв совершенствования практики допроса, предшествующего предъявлению для опознания 3
- Марьясис И.Б., Простяков В.В., Гончарова Е.М.* Интернет-общение и особенности его использования сотрудниками полиции 9
- Алексеев С.В.* Криминологические и социальные закономерности расследования групповых преступлений 11

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

- Муромцев И.Ю.* Применение методики «директивный сон» при обучении саморегуляции ситуативной тревожности военнослужащих 14
- Караяни А.Г., Гайдамышко И.В., Кандыбович С.Л.* Военная психология в контексте гражданской войны на Украине (критический анализ) 18
- Шогорева Е.Ю.* Разработка психодиагностического опросника изучения самореализации курсантов 27

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИГРАФОЛОГИИ

- Белых-Силаев Д.В., Горленко В.В.* Проблема понятия «тайна» как существенного элемента исследования сохранения государственной тайны при раскрытии и расследовании преступлений с применением полиграфа 34

Уважаемые авторы, просим вас направлять статьи на электронный адрес редакции журнала «Юридическая психология»: 014130@mail.ru

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических и психологических наук.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Тираж: 1500 экз.

Цена свободная

Номер подписан: 17.08.2017

Дата выхода в свет: 21.09.2017

ISSN 2071-1204

Juridical Psychology

№ 3/2017

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE. REG. PI № ФС77-29367 of 23.08.2007.
Published quarterly. Published since 2006.

FOUNDER:

Publishing Group "JURIST"

EDITOR IN CHIEF:

Belykh-Silaev D.V.

DEPUTY EDITOR IN CHIEF:

Polkovnikov R.M.

ASSISTANTS TO THE EDITOR IN CHIEF:

Eremin N.P., Kolomojtsjev M.M.,
Suprun V.N., Frolov V.A., Yurasov N.N.

EDITORIAL BOARD:

Bagmet A.M., candidate of juridical sciences,
Balashov N.M., candidate of juridical sciences, professor,
Vekhov V.B., doctor of juridical sciences, professor,
Georgadze M.S., doctor of psychological sciences,
Germanov G.N., doctor of pedagogical sciences, professor,
Gorlenko V.V., doctor of military sciences, professor,
Gur'yanov Yu.N., doctor of psychological sciences, professor,
Dmitriev I.V., candidate of psychological sciences,
Dvoryanchikov N.V., candidate of psychological sciences,
Dozortseva E.G., doctor of psychological sciences, professor,
D'yachuk I.A., candidate of sociological sciences, assistant professor,
Zinchenko Yu.P., doctor of psychological sciences, professor,
Ivankov Ch.T., doctor of pedagogical sciences, professor,
Karayani A.G., doctor of psychological sciences, professor,
Kekelidze Z.I., doctor of medical sciences, professor,
Kovalev O.G., doctor of juridical sciences, professor,
Kokurin A.V., candidate of psychological sciences, assistant professor,
Kotenev I.O., candidate of psychological sciences, assistant professor,
Malikov S.V., doctor of juridical sciences, professor,
Marchenkov V.I., doctor of pedagogical sciences, professor,
Mishutkin I.V., candidate of juridical sciences,
Mozhginskij Yu.B., doctor of medical sciences,
M'agkikh N.I., candidate of psychological sciences,
Pashin S.A., candidate of juridical sciences, professor,
Popov D.G., candidate of pedagogical sciences,
Prostyakov V.V., candidate of psychological sciences, assistant professor,
Rodionov V.A., doctor of pedagogical sciences, professor,
Safuanov F.S., doctor of psychological sciences, professor,
Seliverstov V.I., doctor of juridical sciences, professor,
Stolyarenko A.M., doctor of psychological sciences, professor,
Kholodny'j Yu.I., doctor of juridical sciences, professor,
Tsvetkov Yu.A., candidate of juridical sciences,
E'minov V.E., doctor of juridical sciences, professor,
Yakovlev V.F., doctor of medical sciences

EDITOR IN CHIEF OF PUBLISHING GROUP "JURIST":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

EDITORIAL OFFICE:

Kalinina E.S., Lapteva E.A., Platonova O.F.

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

Tel.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Authors shall not pay for publication of their articles.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., candidate of juridical sciences

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel./fax: (495) 617-18-88

(multichannel)

SUBSCRIPTION:

Rospechat' – 20626; United Catalogue – 91913;

Catalogue of the Russian Press – 12779

CONTENTS

PSYCHOLOGY OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY

- Egorova E.V., Buryka D.A.** Achievements of Psychology as Reserve for Improvement of Practice of Interrogation Preceding Submission for Identification..... 3
- Maryasis I.B., Prostyakov V.V., Goncharova E.M.** Internet Communication and Peculiarities of Usage Thereof by Police Officers..... 9
- Alekseev S.V.** Criminological and Social Regularities of Collective Crime Investigation 11

ISSUES OF MILITARY PSYCHOLOGY

- Muromtsev I.Yu.** Application of Programmed Sleep Method at Teaching Self-Regulation of State Anxiety to Members of Military..... 14
- Karayani A.G., Gaydamashko I.V., Kandybovich S.L.** Military Psychology in Context of Civil War in the Ukraine (Critical Analysis)..... 18
- Shogoreva E.Yu.** Development of Psychodiagnostic Questionnaire to Study Self-Fulfillment of Cadets..... 27

ISSUES OF POLYGRAPHOLOGY

- Belykh-Silaev D.V., Gorlenko V.V.** Issue of Notion of Secret as Significant Element of Research of State Secret Preservation at Solution and Investigation of Crimes Using Polygraph 34

Dear authors, please send your articles to the electronic address of the editorial office of journal «Juridical Psychology»: 014130@mail.ru

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Sciences of the Russian Federation for publication of basic results of doctoral theses.

The journal is included in the database

Russian science citation index **eLIBRARY.RU**

Printed by LLC "National Polygraphic Group".

Tel.: (4842) 70-03-37 Circulation: 1500 copies.

Free market price.

Passed for printing: 17.08.2017

Edition was published: 21.09.2017

ISSN 2071-1204

ДОСТИЖЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ КАК РЕЗЕРВ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАКТИКИ ДОПРОСА, ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ПРЕДЪЯВЛЕНИЮ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

Егорова Елена Витальевна,

доцент кафедры судебной власти

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»,

кандидат юридических наук, доцент

014130@mail.ru

Бурька Дмитрий Александрович,

кандидат юридических наук

avtor@lawinfo.ru

В статье на основе анализа современных достижений психологии в области восприятия, запоминания, воспроизведения и узнавания предложены рекомендации, направленные на получение от допрашиваемого наиболее полной и объективной информации о приметах и особенностях, по которым он сможет опознать предъявляемое лицо.

Ключевые слова: допрос, предъявление для опознания, идентификация, актуализация мысленного образа, восприятие, запоминание, воспроизведение, словесный портрет, субъективные отображения внешности человека, оценка доказательств.

ACHIEVEMENTS OF PSYCHOLOGY AS RESERVE FOR IMPROVEMENT OF PRACTICE OF INTERROGATION PRECEDING SUBMISSION FOR IDENTIFICATION

Egorova Elena V.,

Assistant Professor of the Department of Judicial Power

of the National Research University "Higher School of Economics",

Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Buryka Dmitry A.,

Candidate of Legal Sciences

In article on the basis of the analysis of modern achievements of psychology in the field of perception, memorizing, playback and recognition the proposed recommendations aimed at getting from the interviewee is the most complete and objective information about the signs and characteristics by which he can identify applicable person.

Key words: interrogation, presentation for identification, identification, mainstreaming mental image, perception, memorization, reproduction, sketch, subjective display of a person's appearance, assessment of the evidence.

Порядок предъявления для опознания как самостоятельного следственного действия достаточно подробно регламентирован действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (ст. 193). Вместе с тем для правильной подготовки и проведения этого следственного действия, а также объективной оценки полученных результатов наряду с выполнением законодательных требований важное практическое значение имеет знание психофизиологических механизмов возникновения, переработки и передачи информации опознающим, которые определяются схемой: восприятие — запоминание — воспроизведение — узнавание. По данным эмпирических исследований, проведенных Л.М. Поповой, в 70 % случаев ошибки, допущенные свидетелями и потерпевшими при опознании, «были обусловлены

индивидуальными особенностями опознающего, а также искажениями, обусловленными обстоятельствами восприятия и сохранения мысленного образа, процессами его сравнения с оригиналом»¹.

Использование современных достижений психологии открывает новые возможности не только для повышения эффективности тактических приемов производства данного следственного действия, но и дальнейшего совершенствования его правовой регламентации. Так, в частности, ч. 2 ст. 193 УПК РФ содержит императивное требование, согласно которому «опознающие предварительно допрашиваются

¹ Попова Л.М. Теоретико-прикладные аспекты проблемы разработки и использования функционального портрета человека в криминалистике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1995. С. 9.

об обстоятельствах, при которых они видели предьявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым могут его опознать».

Необходимость в этом возникает прежде всего потому, что «мысленный образ объекта, сохраняющийся в памяти свидетеля или потерпевшего и сравниваемый им с предьявляемым ему при опознании материальным объектом... недоступен для постороннего наблюдателя»². Словесное описание мысленного образа является наиболее оптимальным способом «материализовать» его, сделать доступным и понятным для следователя и других участников уголовного судопроизводства, принимающих участие в процессе доказывания. «Однако при этом далеко не всегда удается достаточно полно и достоверно представить внешний облик объекта описания. Это объясняется тем, что в ходе описания происходит многократное преобразование первоначальных представлений о внешности»³.

Мы полностью согласны с Р.С. Белкиным, который отмечает, что «полнота и точность описания при речевом выражении источником информации мысленного образа описываемого объекта зависит уже не только от самих процессов запоминания и воспроизведения, но и от таких факторов, как глубина познания объекта, его назначение, признаки; степень речевой культуры субъекта, размеры и состав его словарного запаса, образность и точность речевых формулировок; дисциплинированность мышления субъекта, умения последовательно излагать воссозданное его памятью, способность отделить воспроизводимое в памяти от выводов из него»⁴. Каждая из этих особенностей может оказаться решающей, когда речь идет о точности и полноте воспроизведения образа, запечатленного в сознании объекта.

Кроме того, следует выделить и еще одну группу факторов, влияющих на качество и точность воспроизведения. Дело в том, что при допросе опознающего происходит опосредованное описание, т. е. описание, осуществляемое следователем со слов лица, воспринимавшего описываемый объект. Такое описание, отмечает А.М. Зинин, «определяется закономерностями сохранения и воспроизведения мысленного образа, сложностью процесса воспроизведения зрительных впечатлений в словесной форме, многократностью форм преобразования первоначальных представлений, возможностью утраты части впечатлений и видоизменения сохранившихся»⁵.

При передаче информации допрашиваемым неизбежны ее потери и искажения, обусловленные в том числе особенностями ее восприятия следователем (его опыт, степень подготовленности к допросу,

умение адекватно воспринять и зафиксировать общаемые сведения и т. д.).

Одновременно следует учитывать, что мысль и слово не тождественны. Несмотря на кажущуюся простоту, описание элементов зрительного образа с помощью языковых средств — процедура достаточно сложная⁶. «Мысленный образ, — пишут В.А. Снетков и А.М. Зинин, — практически невозможно достоверно воспроизвести в словах. По описанию трудно судить о степени индивидуальности удержанных в памяти очевидцев признаков внешности»⁷. Это происходит потому, что индивидуальность внешности человека, характеризующаяся, как правило, сочетанием признаков среднего значения, словами трудно передать (исключение составляют, как правило, лишь особые приметы). Так, у многих определенные сложности вызывает описание даже собственной внешности, а также внешности родных и друзей. Такую ситуацию можно объяснить не только тем, что «люди по-разному понимают и описывают одни и те же признаки внешности»⁸, но и тем, что количество вариантов признаков внешности объективно намного больше, чем число их наименований, поэтому любое, даже самое точное описание является обобщающим, позволяющим лишь отнести описываемый вариант признака к их определенной группе, но, к сожалению, не отражает полностью индивидуальность признака. Более того, «наша память, — пишет Н.Н. Волков, — очень часто подравнивает различные, но близкие формы к некоторому стандарту»⁹, поскольку «восприятие индивидуальных различий формы редко составляет прямую задачу нашего восприятия»¹⁰.

Существенное влияние на тщательность и полностью воспроизведения оказывает то обстоятельство, что допрашиваемый осуществляет произвольное описание, которое, в отличие от упорядоченного, сопровождается использованием бытовой терминологии. При этом многие, обычно используемые в быту выражения, являясь «просторечиями», «не вполне соответствуют терминологии криминалистического описания»¹¹.

Например, при описании роста свидетели, потерпевшие могут использовать такие определения, как «малый», «небольшой», «невысокий» — все они соответствуют термину «низкий». Человек может быть описан как «тощий», «сухопарый», что соответствует принятому в криминалистическом описании определению «худощавое телосложение». Описывая лицо в целом как «бульдожье», имеют в виду приплюснутый с приподнятым основанием нос, отвислые щеки,

⁶ См., напр.: Леви А.А. Актуальные проблемы предьявления для опознания // Вопросы совершенствования предварительного следствия : сб. науч. тр. М., 1983. С. 69.

⁷ Снетков В.А., Зинин А.М. Указ. соч. С. 48.

⁸ Зинин А.М. Субъективные отображения внешности человека // 50 лет НИИ криминалистики : сб. науч. тр. М. : ЭКЦ МВД России, 1995. С. 68.

⁹ Волков Н.Н. Восприятие предмета и рисунка. М. : АПН РСФСР, 1950. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 21.

¹¹ Виниченко И.Ф., Житников В.С., Зинин А.М., Овсянникова М.Н. и др. Криминалистическое описание внешности человека : учебное пособие / под общ. ред. В.А. Снеткова. М. : МЮИ МВД РФ, Щит-М, 1998. С. 18.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики : учебное пособие для вузов. 3-е изд., доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. С. 364.

³ Снетков В.А., Зинин А.М. Методы непосредственной актуализации мысленного образа очевидцев при их допросе о признаках внешности человека // Тактические приемы допроса и пределы их использования. М. : ВНИИ МВД СССР, 1980. С. 47.

⁴ Белкин Р.С. Указ. соч. С. 354.

⁵ Зинин А.М. Габитоскопия и портретная экспертиза. М. : Московская академия МВД России, 2001. С. 44—45.

широкую выступающую нижнюю челюсть, «птичье» — небольшие по раскрытию круглые глаза, большой с заостренным кончиком нос в сочетании с удлиненной шеей и т. п. Естественно, что произвольное описание по степени полноты, определенности и тщательности чаще всего значительно уступает упорядоченному.

В связи с этим в криминалистической литературе встречаются рекомендации не только в точности следовать системе словесного портрета при допросе, но даже называть термины словесного портрета допрашиваемому. Так, в справочнике, подготовленном А.А. Леви, П.И. Пичкаловой и Н.А. Селивановым, отмечается, что «при допросе следует руководствоваться системой “словесного портрета”, включающего нижеописанные признаки»¹² и затем авторы выделяют 25 элементов внешности, каждый из которых характеризуют как минимум девятью признаками (по три в отношении формы, размера и положения). Более того, авторы указывают: «Называя перечисленные термины “словесного портрета”, допрашивающий должен убедиться, что они понятны допрашиваемому, а в необходимых случаях пояснить их, показать значение отдельных деталей на фотоснимках или рисунках»¹³.

Думается, что подобные рекомендации недостаточно эффективны по следующим причинам. Во-первых, обилие терминов и характеристик словесного портрета, предлагаемых для усвоения допрашиваемому, может не только полностью его дезориентировать, но и изменить естественный ход процессов воспоминания и воспроизведения, деформировать мысленный образ, хранящийся в его памяти. Во-вторых, ознакомление с методикой составления словесного портрета с неизбежностью предполагает проведение лекции, которую следователь вынужден читать допрашиваемому. В-третьих, совершенно недопустимо вынуждать допрашиваемого давать показания на несвойственном ему языке, используя специфическую, зачастую малопонятную для него терминологию.

В связи с этим наиболее предпочтительной представляется такая последовательность допроса, при которой сначала осуществляется фиксация признаков внешности в изложении допрашиваемого, сообщенная им в ходе свободного рассказа, а затем в вопросно-ответной стадии производится уточнение указанных признаков, расшифровываются примененные им выражения до тех пор, пока следователь и допрашиваемый не убедятся, что они одинаково воспринимают эти понятия, вкладывают в них один и тот же смысл. Для этого можно рекомендовать использовать пособие «Криминалистическое описание внешности человека»¹⁴, в котором перечислены распространенные слова и выражения, часто встречающиеся в произвольных описаниях, и даны их наиболее вероятные значения в терминах криминалистического описания внешности человека.

¹² Леви А.А., Пичкалова Г.И., Селиванов Н.А. Получение и проверка показаний следователем. М., 1987. С. 40.

¹³ Там же.

¹⁴ Виниченко И.Ф., Житников В.С., Зинин А.М., Овсянникова М.Н. и др. Указ. соч.

Существенная помощь допрашиваемому может быть оказана благодаря демонстрации схематических изображений отдельных элементов внешности и их признаков: овала лица, форм глаз, бровей, носа, рта, подбородка и т. д., что помогает ему более четко сформулировать свои показания в отношении формы, размера, положения того или иного элемента¹⁵. Например, можно обратить его внимание на то, что форма лица в целом может быть округлой, овальной, треугольной, квадратной, прямоугольной и ромбовидной, линия роста волос — прямой, дугообразной, извилистой, ломаной, М-образной, асимметричной и так по многим другим элементам, а затем предложить допрашиваемому вспомнить и описать соответствующий элемент внешности ранее запечатленного лица.

При этом необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о схематических изображениях, поскольку предъявление элементов, взятых из фотографий, может привести к искажению мысленного образа, запечатленного в памяти. В связи с этим мы не можем согласиться с рекомендациями тех ученых, которые считают целесообразным применение в подобных случаях фотоколекций заведомо непричастных к делу лиц¹⁶.

После свободного рассказа следователь также может задать уточняющие вопросы, касающиеся отдельных элементов внешности, и попытаться выяснить, не запомнил ли допрашиваемый другие признаки внешности. Для этого большинство криминалистов предлагают руководствоваться принципами словесного портрета. При допросе, отмечает Т.Ю. Османов, «*очередность вопросов* (курсив наш. — *Е.Е., Д.Б.*) должна соответствовать системе, принятой при изложении словесного портрета (сверху вниз, от общего к частному)»¹⁷. В отношении допроса, предшествующего предъявлению для опознания, Ю.Г. Торбин пишет: «При описании внешности человека и фиксации его результатов в протоколе следует придерживаться методики словесного портрета, избегая вместе с тем использования специальной терминологии, которая может быть непонятна допрашиваемому»¹⁸. Этим же точки зрения придерживаются Г.И. Кочаров¹⁹, Ю.Г. Корухов²⁰,

¹⁵ См., напр.: Справочная книга криминалиста / рук. авт. кол. Н.А. Селиванов. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2001. С. 153–154; Руководство по расследованию преступлений: учебное пособие / рук. авт. кол. А.В. Гриненко. М.: НОРМА-ИНФРА М, 2002. С. 522; Зинин А.М. Субъективные отображения внешности человека... С. 68; и др.

¹⁶ См., напр.: Снетков В.А., Зинин А.М. Указ. соч. С. 49–50; Самошина З.Г., Крылов В.В. Предъявление для опознания на предварительном следствии. М.: ЛексЭст, 2001. С. 47.

¹⁷ Османов Т.Ю. Применение метода словесного портрета в следственной и оперативной деятельности: методологические и психологические аспекты проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 143.

¹⁸ Дубягин Ю.П., Торбин Ю.Г. Использование данных о внешности человека в раскрытии и расследовании преступлений. М., 1987. С. 19.

¹⁹ Кочаров Г.И. Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1956. С. 78–79; Самошина З.Г., Крылов В.В. Указ. соч. С. 47.

²⁰ Корухов Ю.Г. Предъявление для опознания на предварительном следствии и в суде. М.: ВЮЗИ, 1968. С. 14–15;

А.Я. Гинзбург²¹, З.Г. Самошина, В.В. Крылов²² и ряд других ученых.

В специальной литературе отмечается, что «практика остро нуждается в четкой методике допроса, направленной на выяснение примет опознаваемого»²³. «По-видимому, — отмечает А.А. Леви, — вполне возможно составить ряд *типовых программ* (курсив наш. — *Е.Е., Д.Б.*) такого допроса»²⁴. Подобные попытки, как мы видим, уже предпринимались, но авторы этих программ в первую очередь ориентировались на описание внешности опознаваемого по методу словесного портрета или прибегали к демонстрации допрашиваемому отдельных рисованных элементов внешнего облика человека. Однако анализ результатов исследований, посвященных психологии восприятия, запоминания и воспроизведения²⁵, позволяет предложить новую, принципиально иную типовую программу допроса опознающего при описании им признаков внешности опознаваемого, основанную на достижениях психологической науки, учитывающую закономерности запечатления мысленного образа воспринимаемого человека и существенно отличающуюся от методики словесного портрета, принятого в криминалистике.

Так, согласно исследованиям, проведенным А.А. Бодалевым, воспринимая других людей и воссоздавая затем их облик (в нашем случае — в ходе допроса), взрослые испытуемые выделяют прежде всего (по степени значимости для них): 1) рост; 2) глаза; 3) волосы; 4) мимику; 5) форму лица; 6) нос; 7) особенности телосложения; 8) губы; 9) лоб; 10) брови; 11) подбородок; 12) рот; 13) уши²⁶. Рост, глаза, волосы, мимика и форма лица в глазах взрослых являются наиболее значимыми отличительными элементами облика человека. Для тактики допроса, предшествующего предъявлению для опознания, эта психологическая закономерность оказывается крайне важной потому, что «при словесном воссоздании внешности людей для большинства испытуемых они *выполняют роль опорных признаков* (курсив наш. — *Е.Е., Д.Б.*), с которыми испытуемые затем связывают другие элементы (курсив наш. — *Е.Е., Д.Б.*), если они отличаются какими-то характерными для воспринимаемого человека особенностями»²⁷.

Поэтому руководствоваться в вопросно-ответной стадии допроса принципами словесного портрета (от общего к частному и «сверху вниз»), не учитывающего психологические закономерности

Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Криминалистика : учебник для вузов. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 2000. С. 654.

²¹ Гинзбург А.Я. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике : учебно-практическое пособие. М., 1996. С. 21.

²² Самошина З.Г., Крылов В.В. Указ. соч. С. 47.

²³ Леви А.А. Указ. соч. С. 69.

²⁴ Там же.

²⁵ См., напр.: Иванская Л.Н. Психологические особенности идентификации лица человека по фотографии : дис. ... канд. психолог. наук. Л., 1981.; Панферов В.Н. Восприятие и интерпретация внешности людей (фотографических изображений человеческих лиц) : дис. ... канд. психолог. наук. Л. : ЛГУ, 1969; Бодалев А.А. Восприятие человека человеком. Л. : ЛГУ, 1965.

²⁶ Бодалев А.А. Указ. соч. С. 63.

²⁷ Там же.

сти восприятия, запоминания и воспроизведения, методологически не совсем верно. Следование методике криминалистического описания внешности человека при допросе приводит к нарушению ассоциативных связей, сложившихся в сознании допрашиваемого. В результате часть фактически запечатленной криминалистически значимой информации о признаках внешности лица при непосредственном воспроизведении в ходе допроса оказывается обнаруженной, латентной. Чтобы помочь допрашиваемому вспомнить как можно больше признаков описываемого человека, следует начинать с выяснения *главных, выполняющих роль опорных для опознающего элементов и признаков* и далее двигаться не по схеме, по которой составляется словесный портрет, а в порядке, соответствующем *очередности отражения* наиболее значимых элементов и признаков при их восприятии допрашиваемым. Это даст возможность по ведущему признаку, воспринимаемому в первую очередь, закономерно переходить к описанию других, менее значимых, с точки зрения допрашиваемого, признаков и тем самым существенно повысит точность воспроизведения.

В то же время при материализации мысленного образа опознающего о признаках внешности в предложенном нами порядке доскональное знание следователем правил описания по методу словесного портрета позволит ему, ориентируясь на системное изложение, добиться от допрашиваемого более полного и достоверного воссоздания внешнего облика человека и избежать неоправданных пробелов, вызванных сообщением им сведений о внешности описываемого лица бессистемно, интуитивно, в произвольной форме.

При описании допрашиваемым признаков внешности для оценки правильности и достоверности его показаний немаловажно учитывать и пространственные пороги различения. По имеющимся данным, люди с нормальным зрением в условиях хорошей видимости на расстоянии одного километра видят общий контур человека, на расстоянии 700 м воспринимают движение его рук и ног, с 300 м — голову и плечи, овал лица, цвет одежды; с 200 м выделяют лицо и кисти рук; на расстоянии 60 м различают глаза, нос, пальцы, с 20 м — все элементы, а на расстоянии 2 м воспринимают морщины на лице и другие мелкие признаки²⁸.

Человек, обладающий нормальным зрением, может узнать: очень хорошо знакомых лиц — на расстоянии 40–80 м, а при наличии каких-либо особо заметных признаков — со 100–150 м, мало знакомых людей, с которыми редко приходилось встречаться, — на расстоянии 25–30 м, людей, которых видел один раз, — с расстояния 15 м²⁹. Достоверность этих данных была подтверждена и более поздними исследованиями психологов³⁰.

²⁸ Там же. С. 34–35; Шурухов Н.Г. Криминалистика : учебное пособие. М. : Юристъ, 2002. С. 309–310.

²⁹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М. : ЛексЭст, 2002. С. 321.

³⁰ См., напр.: Бодалев А.А. Указ. соч. С. 35.

В случае возникновения у следователя сомнений по поводу правильности показаний для их разрешения может быть проведен следственный эксперимент по установлению возможности восприятия допрашиваемым конкретного лица при определенных условиях. Представляется, что следственный эксперимент является в данном случае единственным следственным действием, которое позволит выявить факт реконструкции, т. е. существенного искажения воспринятого в результате ошибочных умозаключений и выводов, которые может допустить носитель мысленного образа. Иногда подмену действительных признаков неверными выводами он делает, даже не отдавая себе в этом отчета. Например, допрашиваемый на расстоянии 200 м заметил человека, похожего на его знакомого В., предположил, что это и был В., а затем стал утверждать, что видел именно В., в то время как на самом деле он видел другого человека, но свое восприятие дополнил ошибочным умозаключением.

Еще одним фактором, влияющим на качество описания, является необходимость перевода устной речи в письменную в ходе процессуальной фиксации показаний. Составление протокола допроса — очередной этап неизбежных потерь и искажений информации, сообщенной в устной форме. Это объясняется тем, что письменное описание, как правило, короче устного. Более того, письменное изложение устной речи требует достаточных навыков, так как стилистическое оформление влияет на полноту и точность описания, может «привести к неосознанному восполнению пробелов в восприятии и запоминании информации»³¹. Так, некоторые важные детали, кажушиеся следователю несущественными, им произвольно опускаются, «они как бы ускользают от его внимания, не включаясь в сложившийся уже образ»³². А столкнувшись с косноязычием допрашиваемого, следователь зачастую неосознанно возлагает на себя функцию формулирования не вполне однозначных, «расплывчатых» мыслей.

Говоря о факторах, влияющих на полноту и точность воспроизведения опознающим при допросе примет и особенностей, по которым он сможет опознать лицо или предмет, особое внимание следует обратить на то обстоятельство, что «при произвольном, а тем более при произвольном запоминании, всегда имеется некоторый необнаруживаемый при непосредственном воспроизведении объем фактически запечатленного материала»³³. Объем этого латентного слоя может быть самым различным. Например, в опытах, проведенных Ю.В. Идашкиным, он «колеблется в пределах от 6,6 % по отношению ко всему предъявлявшемуся материалу до 53,3 %»³⁴. Тем не менее результаты исследований свидетельствуют «о принципиальной возможности полного

воспроизведения латентного слоя»³⁵. В связи с этим актуальность приобретает вопрос о том, с помощью каких тактических приемов возможно добиться воспроизведения той части фактически запечатленного материала, которая не обнаруживается при непосредственном воспроизведении.

К наиболее распространенным приемам «оживления» памяти традиционно относят допрос с использованием ассоциативных связей, допрос на месте, повторный допрос по ограниченному кругу обстоятельств. Однако наиболее перспективным в этом направлении и отвечающим потребностям практики предъявления для опознания представляется проведение допроса с использованием системы приемов, основанных на достижениях когнитивной психологии. К ним, в частности, относят: 1) мысленное, а затем вербальное воссоздание (восстановление) контекста события; 2) детализацию описания события; 3) припоминание обстоятельств в различной последовательности; 4) смену перспективы, когда допрашиваемый мысленно ставит себя на место какого-либо другого присутствовавшего при этом наблюдателя³⁶.

«При воспроизведении произвольно запечатленного материала, — отмечает Ю.В. Идашкин, — испытуемые обычно не ставят перед собой задачу воспроизвести материал как можно точнее и полнее. Они стремятся вспомнить только главное, основное»³⁷. На эту отрицательную особенность воспроизведения применительно к допросу потерпевших и свидетелей неоднократно указывалось в специальной литературе³⁸.

Допрашиваемый на основе своей системы убеждений и ожиданий субъективно обычно делит информацию, которой он владеет, на значимую и ненужную. Об одних фактах он умалчивает потому, что это порой противоречит уже сказанному им ранее, какую-то информацию он считает не относящейся к делу и бесполезной или нарушающей хронологический порядок изложения. В результате часть сведений о признаках и приметах воспринятого объекта, могущих оказаться крайне важными при решении вопросов, связанных с предъявлением для опознания, допрашиваемым «подавляется», не попадая в актуальный слой. Поэтому необходимо в начале допроса пояснить допрашиваемому, что его главная задача — припомнить и сообщить как можно более подробную и полную информацию, не «просеивая» и не отсекая ее, излагая в той последовательности, в которой она приходит на ум.

При проведении допроса опознающего следует учитывать, что между слоями запоминания устанавливаются сложные динамические связи, в результате

³⁵ Там же. С. 111.

³⁶ Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология : учебное пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. С. 383–416.

³⁷ Идашкин Ю.В. К вопросу о воспроизведении латентно запечатленного материала... С. 37.

³⁸ См., напр.: Смыслов В.И. Свидетель в уголовном процессе. М. : Высшая школа, 1973. С. 88 ; Сорокина Т.А. Тактико-психологические приемы получения, проверки и оценки показаний свидетелей и потерпевших : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 145.

³¹ Зинин А.М. Габитоскопия и портретная экспертиза. М. : Московская академия МВД России, 2001. С. 47.

³² Идашкин Ю.В. Криминалистика и психология // Вопросы криминалистики. 1961. № 1–2. С. 39.

³³ Идашкин Ю.В. К вопросу о воспроизведении латентно запечатленного материала : дис. ... канд. псих. наук. М., 1959. С. 40.

³⁴ Там же. С. 69.

чего «один и тот же материал может переходить из латентного слоя в актуальный и, наоборот»³⁹. В связи с этим несообщение на допросе признаков внешности или их сообщение в очень ограниченном количестве еще не является основанием для отказа от предъявления для опознания. Чтобы решить вопрос о возможности проведения предъявления для опознания, опознающего необходимо допросить повторно. Как показали опыты, примерно в 40 % случаев повторное воспроизведение было полнее первоначального⁴⁰.

Подробная характеристика психофизиологических закономерностей восприятия, запоминания и воспроизведения информации опознающим является необходимым условием, поскольку «процесс идентификации сложен и его нельзя отождествлять ни с одним элементарным психическим процессом... Поэтому установление каких-либо закономерностей идентификации невозможно без учета знаний, накопленных психологией в этих областях научного познания»⁴¹.

Их практическая реализация позволяет критически оценить сложившийся порядок предъявления для опознания и предложить не только новые тактические приемы, дающие возможность получить от опознающего более полную и достоверную информацию, но и внести уточнения и дополнения в процессуальные и организационные основы данного следственного действия, направленные на то, чтобы опознающий был поставлен в такие условия, которые были бы максимально благоприятны для протекания опознавательного процесса и помогали ему прийти к достоверному выводу о тождестве или различии предъявляемых ему объектов с теми, которые воспринимались им ранее.

Литература

1. Аверьянова Т.В. Криминалистика : учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Российская. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 2000. 990 с.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики : учебное пособие для вузов / Р.С. Белкин. 3-е изд., доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. 816 с.
3. Бодалев А.А. Восприятие человека человеком / А.А. Бодалев. Л. : ЛГУ, 1965. 124 с.
4. Виниченко И.Ф. Криминалистическое описание внешности человека : учебное пособие / И.Ф. Виниченко, В.С. Житников, А.М. Зинин, М.Н. Овсянникова и др. ; под общ. ред. В.А. Снеткова. М. : МЮИ МВД РФ, Щит-М, 1998. 291 с.
5. Волков Н.Н. Восприятие предмета и рисунка / Н.Н. Волков. М. : АПН РСФСР, 1950. 507 с.
6. Гинзбург А.Я. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике : учебно-практическое пособие / А.Я. Гинзбург. М., 1996. 122 с.
7. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 / Г. Гросс. М. : ЛексЭст, 2002. 1088 с.
8. Дубягин Ю.П. Использование данных о внешности человека в раскрытии и расследовании преступлений / Ю.П. Дубягин, Ю.Г. Торбин. М., 1987. 66 с.
9. Зинин А.М. Субъективные отображения внешности человека / А.М. Зинин // 50 лет НИИ криминалистики : сб. науч. тр. М. : ЭКЦ МВД России, 1995. 107 с.
10. Зинин А.М. Габитоскопия и портретная экспертиза / А.М. Зинин. М. : Московская академия МВД России, 2001. 156 с.
11. Иванская Л.Н. Психологические особенности идентификации лица человека по фотографии : дис. ... канд. псих. наук / Л.Н. Иванская. Л., 1981. 278 с.
12. Идашкин Ю.В. К вопросу о воспроизведении латентно запечатленного материала : дис. ... канд. псих. наук / Ю.В. Идашкин. М., 1959. 135 с.
13. Идашкин Ю.В. Криминалистика и психология / Ю.В. Идашкин // Вопросы криминалистики. 1961. № 1–2. С. 31–34.
14. Корухов Ю.Г. Предъявление для опознания на предварительном следствии и в суде / Ю.Г. Корухов. М. : ВЮЗИ, 1968. 30 с.
15. Кочаров Г.И. Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук / Г.И. Кочаров. М., 1956. 259 с.
16. Леви А.А. Актуальные проблемы предъявления для опознания / А.А. Леви // Вопросы совершенствования предварительного следствия : сб. науч. тр. М., 1983. 141 с.
17. Леви А.А. Получение и проверка показаний следователем / А.А. Леви, Г.И. Пичкалова, Н.А. Селиванов. М., 1987. 112 с.
18. Образцов В.А. Криминалистическая психология : учебное пособие для вузов / В.А. Образцов, С.Н. Богомолова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. 448 с.
19. Османов Т.Ю. Применение метода словесного портрета в следственной и оперативной деятельности: методологические и психологические аспекты проблемы : дис. ... канд. юрид. наук / Т.Ю. Османов. М., 2000. 233 с.
20. Панферов В.Н. Восприятие и интерпретация внешности людей (фотографических изображений человеческих лиц) : дис. ... канд. псих. наук / В.Н. Панферов. Л. : ЛГУ, 1969. 157 с.
21. Попова Л.М. Теоретико-прикладные аспекты проблемы разработки и использования функционального портрета человека в криминалистике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.М. Попова. Минск, 1995. 18 с.
22. Руководство по расследованию преступлений : учебное пособие / рук. авт. кол. А.В. Гриненко. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 2002. 768 с.
23. Самошина З.Г. Предъявление для опознания на предварительном следствии / З.Г. Самошина, В.В. Крылов. М. : ЛексЭст, 2001. 96 с.
24. Смыслов В.И. Свидетель в уголовном процессе / В.И. Смыслов. М. : Высшая школа, 1973. 160 с.
25. Снетков В.А. Методы непосредственной актуализации мысленного образа очевидцев при их допросе о признаках внешности человека / В.А. Снетков, А.М. Зинин // Тактические приемы допроса и пределы их использования. М. : ВНИИ МВД СССР, 1980. С. 47–50.
26. Сорокина Т.А. Тактико-психологические приемы получения, проверки и оценки показаний свидетелей и потерпевших : дис. ... канд. юрид. наук / Т.А. Сорокина. СПб., 2001. 219 с.
27. Справочная книга криминалиста / рук. авт. кол. Н.А. Селиванов. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 2001. 757 с.
28. Шурухов Н.Г. Криминалистика : учебное пособие / Н.Г. Шурухов. М. : Юристъ, 2002. 639 с.

³⁹ Идашкин Ю.В. К вопросу о воспроизведении латентно запечатленного материала... С. 70.

⁴⁰ Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Указ. соч. С. 608.

⁴¹ Иванская Л.Н. Указ. соч. С. 5.

ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Марьясис Ирина Борисовна,
кандидат психологических наук, доцент
talismmm@mail.ru

Простяков Владимир Вениаминович,
кандидат психологических наук
prostv2012@yandex.ru

Гончарова Елизавета Михайловна
goncharova_e_79@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы интернет-общения и его использования сотрудниками полиции для профилактики и пресечения нарушений действующего законодательства. Отражены особенности онлайн-общения и направления деятельности по пресечению незаконных действий со стороны злоумышленников в отношении граждан.

Ключевые слова: Интернет, общение, коммуникация, информация, социальные сети, профилактика, несовершеннолетние, мошенничество.

INTERNET COMMUNICATION AND PECULIARITIES OF USAGE THEREOF BY POLICE OFFICERS

Maryasis Irina B.,
Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor

Prostyakov Vladimir V.,
Candidate of Psychological Sciences

Goncharova Elizaveta M.

The article is devoted to the problems of Internet communication and its use by the police to prevent and suppress violations of applicable law. The features of online communication and activities to prevent the illegal actions of criminals against citizens.

Key words: Internet, communication, information, social networks, prophylaxis, juvenile, fraud.

Постоянное изменение современной реальности диктует свои правила, и это в большей степени сказывается на процессе коммуникации. Внедрение процесса коммуникации во все сферы жизнедеятельности общества, появление и развитие новых видов общения и переосмысления информационной природы общественной реальности обуславливают необходимость создания различных способов передачи информации.

Вторая половина 1990-х гг. ознаменована взрывоподобным развитием сети Интернет и различных коммуникационных технологий. Конец XX в. поражает информационной силой социальных сетей. В настоящий момент социальные сети овладевают все большим вниманием граждан современного общества, увеличивается и количество социальных сетей и зарегистрированных в них пользователей. Многими людьми сложный процесс смены коммуникационных стандартов воспринимается как погружение общества в пространство мозаичной, хаотически ориентированной культуры, в связи с чем обостряется вопрос ценностных ориентиров личности в сети¹.

Существующие программы для передачи информации в Интернете в настоящий момент довольно многообразны. Отдельные по нынешним меркам принято считать несколько устаревшими, но при этом продолжают удерживать собственные позиции. К подобным программам, на основе которых первоначально основывалось общение через Интернет, относят электронную почту. Примерами предоставления таких услуг являются mail.ru, yahoo.com и прочие сайты-почты.

Безусловно, почта — это хорошо, однако для начала необходимо найти тех, кому эти письма можно писать. Традиционно подходящими для поиска новых собеседников в сети считаются форумы и чаты, где возможно создать интересную для вас дискуссию, осуществлять запросы по увлекательным для вас темам, получать исчерпывающие ответы на волнующие вас вопросы и, как итог, объединить в свой круг общения тех, для кого общие профессиональные или личные интересы будут являться основополагающими.

Существующие в настоящий момент наиболее распространенные в нашей стране социальные сети: ВКонтакте, Facebook, Одноклассники, Instagram, Twitter, причем, согласно проведенному мониторингу, они занимают места согласно тому, как они перечислены.

¹ Лещенко А.М. Социальные сети как механизм конструирования коммуникации в современном обществе : дис. ... канд. филос. наук. Пятигорск, 2011. 158 с.

Так для чего, кто и каким образом использует интернет-общение и зачем сотрудникам полиции необходимо учитывать особенности данной коммуникации?

Обмен информацией в Интернете является непременной составляющей жизни современного человека. При этом необходимо подчеркнуть, что онлайн-общение обладает отдельными уникальными свойствами, которыми общение вживую похвастать не может. Здесь можно отметить:

- анонимность позволяет пользователю самому определять, насколько он намерен раскрываться своим собеседником, какие черты характера он хотел бы продемонстрировать, а какие — утаить, и, что важно, человек сам регулирует длительность своего общения;

- большая аудитория вероятных собеседников, где человек при помощи Интернета может пообщаться с людьми, которых раньше никогда не знал, а возможно, никогда и не узнает;

- своеобразное протекание процессов межличностной перцепции в ситуации отсутствия невербальной коммуникации — это влечет проявление механизмов стереотипизации и идентификации, на представление о собеседнике, а также установки желаемых качеств в партнере;

- отсутствие эмоционального компонента общения, но при этом стойкое влечение к эмоциональному наполнению текста, что проявляется в образовании специальных значков для обозначения эмоционального состояния.

Коммуникация при помощи Интернета необычно важна для людей, у кого реальная жизнь по различным причинам межличностно обеднена. Эти пользователи применяют Интернет как альтернативу близкому окружению. Безусловно, Интернет выступает колоссальным посредником в организации такого общения.

Безусловно, сеть упрощает передачу информации, однако существует и угроза, которую в себе таит «всемирная паутина». К отрицательным сторонам можно причислить злоупотребление анонимностью, частые обманы (мошенничество), а также интернет-зависимость.

Зачастую при знакомстве через Интернет люди придумывают себе новую личность и играют ее. Оттого ложь становится достаточно основательной проблемой в интернет-общении. При этом отсутствует ответственность за свои высказывания.

При интернет-общении несложно обмануть своего собеседника. Так как из-за анонимности вы не обладаете информацией о поле, возрасте, социальном статусе, работе собеседника. Проверить то, что он говорит, часто бывает весьма сложно или почти невозможно. Кроме того, для общения в Интернете типичны вседозволенность, расслабленность, отсутствие стеснительности.

Все чаще нечистые на руку граждане используют Интернет как инструмент мошенничества. При помощи сети недобросовестные продавцы предлагают товары низкого качества или подделки известных

брендов. Не всегда по произошедшему факту люди обращаются в полицию, пеняя все чаще на свою недальновидность, однако многие «торговцы» именно на это и рассчитывают. Мошенники продолжают наживаться, и, учитывая число обманутых, доходы получаются внушительные.

Но все же при любом виде мошенничества, то ли это неуплата денег за оказанные услуги, обман при совершении покупок товаров в интернет-магазине и др., покупатель может подать заявление в полицию. Основанием этого могут быть статьи Уголовного кодекса России:

- ст. 146. «Нарушение авторских и смежных прав»;

- ст. 159 «Мошенничество»;

- ст. 200. «Обман потребителей».

Популярным направлением в последние время у интернет-мошенников стал «фишинг» (англ. *fishing* — рыбная ловля, выуживание) — это такой вид мошенничества, когда целью является получения данных, содержащихся на банковской карте. Большинство доверчивых и юридически не подкованных обывателей попадают на крючок и теряют свои деньги.

Однако наиболее опасные воздействия через Интернет происходят в отношении несовершеннолетних.

Социальные сети предприимчиво применяются злоумышленниками для вовлечения несовершеннолетних для распространения порнографических материалов с их участием. С этой целью создается выдуманная анкета (электронная страница), где применяются фотосессии и придуманные данные несовершеннолетних, заимствованные из многообразных открытых источников. Так, порноделец скрывается под видом обычного подростка, который в сети Интернет старается рассказать о себе и найти новых знакомых с общими интересами.

На сегодняшний день существует проблема, которая широко обсуждается и в средствах массовой информации, и на просторах Интернета, и образовательных организациях. Данная проблема связана с вовлечением несовершеннолетних в интернет-сообщества с суицидальным вектором. Депрессивные настроения или личностные черты, неприятные разговоры с друзьями и родителями в реальной жизни, подростки осуществляют поиск похожих людей в сети. Положительные стороны, выделяемые подростком, — анонимность общения, вероятность обсуждения возможных вариантов суицида. Выбор между жизнью и смертью может быть изменен как реакция на отрицательный стимул, здесь содержание интернет-сайта может сыграть существенную роль. Также имеется риск, что подросток примет помощь в планировании суицида или отыщет партнера среди существующих на ресурсе объявлений. Напуганные, зависимые, уязвимые несовершеннолетние в подавляющем большинстве составляют группу повышенного риска.

Профилактическая работа сотрудников полиции заключается в мониторинге профилей в социальных

сетях, сообщений на стене группы, входящих публикаций, репостов, сборе информации об изменении данных профиля, членствах группы, составе друзей, отслеживании времени пребывания в сети и типа устройства входа в сеть, осуществлении запросов аналитических служб по постановке и снятию с мониторинга, поиске и анализе фотографий по геотегам, времени загрузки фото в социальную сеть, возможностей использования соединения с социальной сетью удаленных служб проксированного доступа. Все это позволяет вовремя пресечь незаконные действия лиц, вынашивающих преступный замысел².

² URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Зеус>. Программно-аналитический модуль мониторинга социальных сетей

На основании вышесказанного необходимо отметить, что если сотрудник полиции адекватно ориентируется в ситуациях профессионального общения, грамотно осуществляет рефлексивное управление, качественно устанавливает психологический контакт с гражданами, представляющими профессиональный интерес, эффективно оказывает правомерное психологическое воздействие, четко управляет ходом развития общения, в том числе интернет-общением с гражданами, то эффективность его деятельности будет находиться на достаточно высоком уровне.

Литература

1. Лещенко А.М. Социальные сети как механизм конструирования коммуникации в современном обществе : дис... канд. философ. наук / А.М. Лещенко. Пятигорск, 2011. 158 с.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ГРУППОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Алексеев Сергей Владимирович,
*доцент кафедры «Социальные технологии и право»
Самарского государственного университета путей сообщения (СамГУПС),
кандидат юридических наук, доцент
volga169@yandex.ru*

При расследовании преступлений групповой направленности правоприменители руководствуются лишь правовыми нормами. При этом не уделяется внимание криминологическим и социальным закономерностям расследования групповых преступлений. В настоящей работе рассматриваются некоторые закономерности в расследовании групповых дел. Применяя на практике эти закономерности, правоприменителям будет проще и эффективнее расследовать преступления, совершенные в группе.

Ключевые слова: преступление, группа, закономерность, доказательства.

CRIMINOLOGICAL AND SOCIAL REGULARITIES OF COLLECTIVE CRIME INVESTIGATION

Alekseev Sergey V.,
*Assistant Professor of the Department of Social Technologies and Law
of the Samara State Transport University (SSTU),
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

When investigating crimes of a group orientation, law enforcement officials are guided only by legal norms. At the same time, attention is not paid to the criminological and social patterns of investigating group crimes. In this paper, we examine some of the patterns in the investigation of group cases. Applying these patterns in practice, it will be easier and more effective for right-of-minds to investigate crimes committed in a group.

Key words: crime, group, law, evidence.

Проникновение групповой преступности во все сферы российского общества, ее интенсивность и интеллектуализация дают неутешительные прогнозы. Особо опасной тенденцией организованной преступности является ее самовоспроизводство в результате криминализации населения России и возрастания числа лиц с противоправной установкой,

их психологическим оправданием преступных посягательств. При этом происходящее реформирование российской судебной системы, уголовного законодательства, как правило, затрагивает материальные или процессуальные аспекты. Между тем правоприменители оставляют без внимания криминологические и социальные закономерности расследования

групповых преступлений, что приводит к тому, что доказательственная база «рассыпается» еще на следствии, суды выносят членам преступных формирований оправдательные приговоры, а главари банд и вовсе избегают наказания. Настоящая статья представляет собой скорее практические рекомендации следователям и лицам, производящим дознание с учетом законодательства и судебной практики.

Основные закономерности расследования преступлений, совершенных в группе, представляется целесообразным объединить в систему, состоящую из закономерности, связанной с особенностями доказывания по делам, совершенным несколькими преступниками, закономерности, определяющей организацию расследования специфических преступлений, и закономерности, основанной на бихевиористических особенностях участников групповых преступлений в процессе расследования.

В процессе расследования преступлений, которые были совершены в группе, следователь часто сталкивается с множеством вещественных доказательств, которые, как правило, принадлежат не одному человеку, а разным людям. И не факт тем, которые совершили общественно опасное деяние. Так как в преступлении участвует несколько человек, то все участники группы так или иначе осведомлены о преступлении и в дальнейшем могут стать источником информации и доказательств. Можно говорить о множестве лиц, хорошо осведомленных о преступлении, что бывает не часто, в случае, если преступление совершает один человек. При этом следует учитывать прямую взаимосвязь в доказывании вины соучастников. То есть доказанность вины одного соучастника, как правило, связана с доказыванием вины и других соучастников преступления. Реально существующая связь в доказывании вины соучастников группового преступления объективно обусловлена совершением преступления в группе.

На практике наличие такой связи и взаимозависимости несколько облегчает задачу органов дознания и следствия по установлению всех соучастников группового преступления и доказыванию их вины. К примеру, при осмотре места происшествия по ряду признаков можно судить именно о групповом преступлении, однако по наличию папиллярных узоров и возможно оставленных биоматериалов (пригодных для идентификации) точно устанавливается только один соучастник. В процессе дальнейшего расследования при установлении лиц, принимавших участие в преступлении и находившихся на месте преступления, установленный факт нахождения на месте преступления именно этого человека положительно сказывается на изобличении других соучастников. Еще одна закономерность, о которой нельзя не сказать, — все события, вся преступная деятельность группы и лиц, в нее входящих и принимающих участие в совершении групповых преступлений, в принципе могут быть установлены. Данная закономерность расследования групповых преступлений проявляется как частный случай более общей закономерности — принципиальной возможности раскрытия всех совершенных преступлений.

Таким образом, закономерности расследования групповых преступлений, определяющие доказывание по групповым преступным событиям, реально существуют и определенным образом проявляются в процессе расследования этой категории общественно опасных деяний. Задача следователя состоит в том, чтобы наиболее полно, правильно и объективно учитывать их и применять на практике.

Трудоемкость расследования групповых преступлений, которая увеличивается по сравнению с расследованием преступления, совершенного одним лицом, является еще одной закономерностью. Возрастание трудоемкости связано с тем, что в деле увеличивается количество обвиняемых и соответственно однородных процессуальных действий. Зачастую групповые дела — многоэпизодные, по которым приходится работать с многими потерпевшими, свидетелями, производя однородные процессуальные действия. С увеличением количества обвиняемых, эпизодов их преступной деятельности возрастает и объем другой следственной работы, а именно изучение личности обвиняемых, осмотры, экспертизы.

Закономерностью, определяющей организацию расследования групповых преступлений, особенно на первоначальном этапе, является необходимость в одновременном проведении серии одинаковых следственных действий, задержании нескольких подозреваемых, обысков по месту жительства и работы соучастников, допросов свидетелей. Это диктуется тактическими соображениями: последовательное проведение тех же следственных действий неизбежно влечет безвозвратную утрату важных доказательств по делу. С учетом данной закономерности при проведении первоначальных следственных и розыскных действий по групповым делам, следователь должен привлекать дополнительные силы и средства для обеспечения одновременного производства следственных действий. Учитывать данную закономерность особо необходимо не только следователям с малым опытом работы, но и имеющим стаж. Поскольку распространившиеся в последнее время в России цифровые технологии, социальные сети, мессенджеры с криптозащитой, к сожалению, часто оказывают значительную помощь соучастникам группового преступления. Известно, что группа преступников, совершившая в апреле 2017 г. теракт в метро Санкт-Петербурга, активно контактировала между собой через мессенджеры WhatsApp и Telegram, предупреждая друг друга и координируя свои действия¹.

При организации расследования групповых преступлений необходимо учитывать еще одну закономерность: следователю необходимо принимать специальные меры и приемы, направленные на преодоление противодействия со стороны преступной группы и установление истины по делу, на пресечение попыток сговора между соучастниками, сокрытия отдельных соучастников или организаторов преступления, а также наиболее серьезных эпизодов преступных посягательств группы.

Лицу, производящему расследование группового преступления, необходимо своевременно позабо-

¹ Коммерсант. 2017. 27 апр.

тяться об избрании меры пресечения и изоляции соучастников друг от друга.

Наибольший интерес для практики расследования групповых преступлений представляют такие закономерности, которые определяют поведение обвиняемых на следствии по групповым делам и тактику их расследования. Данные закономерности основаны на психологии преступных групп, на социально-психологических закономерностях их формирования и функционирования. Среди особенностей расследования групповых преступлений, основанных на психологии преступных групп, следует указать неопределенность поведения и показаний каждого соучастника. Неопределенность поведения на следствии соучастников группового преступления с точки зрения психологии объясняется тем, что на каждого из преступников во время следствия действует два ряда факторов, которые в конечном итоге взаимодействуют и приводят к определенному результату. Одни факторы побуждают обвиняемого по групповому делу дать следователю правдивые показания о своем соучастии в групповом преступлении и действиях других соучастников группового преступления. Это такие факторы, как наличие у следователя веских доказательств, уличающих данного члена преступной группы, боязнь обвиняемого опоздать с дачей правдивых показаний по делу, так как соучастник может дать их первым, а других обвиняемых может выставить перед следователем в невыгодном свете, нежелание отвечать за всю преступную деятельность группы, особенно если данный обвиняемый не участвовал в совершенных группой тяжких преступлениях или играл там второстепенную роль. Другие факторы, наоборот, побуждают обвиняемого по групповому преступлению не говорить правды, отрицать вину как свою, так и других соучастников, не раскрывать перед следователем преступную деятельность группы, не выдавать ее организатора. Такими факторами могут быть давление на данного обвиняемого со стороны организатора группового преступления и всей группы, страх перед более строгим наказанием за преступление, совершенное группой, боязнь мести со стороны членов преступной группы.

Какие из указанных факторов преобладают в той или иной период следствия, такой будет и позиция обвиняемого. Именно этим и объясняется та непоследовательность поведения обвиняемых по групповым делам, с которой сталкиваются на практике: некоторые обвиняемые неоднократно меняют свои показания — то признают себя виновными и уличают в совершении группового преступления других соучастников, то оказываются от них и заявляют о своей невиновности и утверждают, что оговорили других лиц. Такая неопределенность и непоследовательность поведения и позиции характерна для обвиняемых по групповым преступлениям во время следствия. Неопределенность поведения обвиняемых по групповым преступлениям имеет еще аспект. Речь идет не только о неопределенности поведения данного обвиняемого, но и о том, что поведение его неопределенно, непредсказуемо для всех других соучастников группового преступления. Никто из них до конца не может быть уверенным в том, какую по-

зицию займет каждый обвиняемый и какие именно даст показания о своих соучастниках.

Важной закономерностью является также наличие противоречий в интересах обвиняемых, а иногда и конфликтов между членами преступного образования. Выше рассмотрены виды конфликтов и противоречий в преступной группе и показана возможность их использования в процессе расследования групповых преступлений. Умелое, тактически грамотное использование указанных противоречий и конфликтов между соучастниками, как правило, обеспечивает получение правдивых показаний от соучастников о преступной деятельности всей группы.

Закономерностью расследования групповых преступлений, связанных с поведением обвиняемых по групповым делам, следует считать ориентирование каждого обвиняемого в своем поведении на следствии на интересы всей преступной группы, которая является для них референтной.

В социальной психологии под референтной группой понимается группа лиц, с которой индивид чувствует себя наиболее защищенным. Референтной называется группа, на которую индивид ориентируется в своих действиях, которая служит образцом, эталоном или критерием для оценки личного поведения. В такую группу индивид стремится вступить, стать ее членом².

Перечисленные критерии референтной группы могут быть применимы и к преступной группе, являющейся референтной для всех ее членов. Поэтому в своем поведении, в том числе и на предварительном следствии, члены преступной группы, определяя позицию по делу, давая показания на допросах, всегда ориентируются на взгляды и интересы своей преступной группы. Именно этим объясняются отказы от дачи правдивых показаний на следствии даже при наличии у следователя достаточных доказательств или дача обвиняемым по групповому делу правдивых показаний только в той части, которая не затрагивает существенные интересы всей преступной группы.

Влияние референтной группы тем сильнее, чем выше уровень развития самой преступной группы. Достаточно оно проявляется в группах высокого психологического развития (организованных группах и преступных организациях) и менее выражено в группах низкого психологического развития (случайных группах и группах типа компаний).

И последняя закономерность расследования групповых преступных посягательств, о которой необходимо сказать, связана с поведением обвиняемых по групповым делам на следствии, проявляется в возможности использования конформизма членов преступной группы для изменения их позиций и показаний. Конформизм представляет собой жесткую зависимость человека от его социальной среды, стремление индивида принять мнение группы, соглашательство во имя того, чтобы не остаться в изоляции от группы. В преступной группе все ее члены подстраивают свое поведение под нормы поведения, принятые в конкретном преступном образовании. Конформизм в преступных группах является носителем двух функций: он интегрирует всю групповую

² Десев Л. Психология малых групп. М., 1979. С. 35.

преступную деятельность и служит механизмом внутригруппового контроля, способствуя достижению преступного результата³.

Конформным является поведение членов преступных групп не только во время совершения преступлений, но и в период предварительного следствия, когда обвиняемые по уголовному делу остаются во власти мнений и оценок событий преступной группой, даже будучи изолированными от нее. Преступная группа, ее нормы поведения и ценности, интересы и цели продолжают оказывать давление на каждого члена группы, соответствующим образом корректируя его поведение в интересах всего преступного образования.

Однако во время предварительного следствия в позиции преступной группы могут происходить определенные изменения. Эти изменения, новые оценки и мнения формируют прежде всего лидер и другие активные члены преступной группы. Изменения в позиции лидера вся преступная группа улавливает и усваивает через конформность остальных членов преступной группы, которые вслед за лидером склонны принять эту новую позицию. В итоге вся преступная группа переходит на новую позицию.

³ Сахаров А.Б. Личность преступника и типология преступников // Социалистическая законность. 1973. № 3. С. 23.

Именно на использовании конформизма в преступной группе основан известный тактический прием расследования групповых преступлений, когда показания признавшегося организатора преступления путем проведения очной ставки или оглашения в ходе допроса показаний используются для разоблачения позиции на дачу ложных показаний другими обвиняемыми⁴.

В заключение следует уточнить, что закономерности расследования групповых преступлений, связанные с особенностями поведения обвиняемого на следствии, проявляют себя по-разному в каждом конкретном случае. При этом все они потенциально имеют возможность реализоваться в любом преступлении, совершенном в группе.

Литература

1. Быков В.М. Криминалистическая характеристика преступных групп / В.М. Быков. Ташкент : Высшая школа МВД СССР, 1986. 70 с.
2. Десев Л. Психология малых групп / Л. Десев. М., 1979. 210 с.
3. Сахаров А.Б. Личность преступника и типология преступников / А.Б. Сахаров // Социалистическая законность. 1973. № 3. С. 11–15.

⁴ Быков В.М. Криминалистическая характеристика преступных групп. Ташкент : Высшая школа МВД СССР, 1986. С. 70.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИКИ «ДИРЕКТИВНЫЙ СОН» ПРИ ОБУЧЕНИИ САМОРЕГУЛЯЦИИ СИТУАТИВНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Муромцев Илья Юрьевич,
аспирант Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма
014130@mail.ru

Автор исследует проблему тревожности: используя известные знания о методах саморегуляции тревожности, он разработал универсальный метод саморегуляции тревожности военнослужащих. Описываются результаты эксперимента по применению разработанной методики.

Ключевые слова: тревожность, методика «директивный сон», личностная тревожность, ситуативная тревожность, саморегуляция, военнослужащие.

APPLICATION OF PROGRAMMED SLEEP METHOD AT TEACHING SELF-REGULATION OF STATE ANXIETY TO MEMBERS OF MILITARY

Muromtsev Ilya Yu.,
Postgraduate Student of the Russian State University of Physical Education,
Sport, Youth and Tourism

The author researches the issue of anxiety: he has developed a universal method of self-regulation of anxiety for members of the military using the available data on the anxiety self-regulation methods. The article describes the results of the experiment in application of the developed methodology.

Key words: anxiety, programmed sleep method, trait anxiety, state anxiety, self-regulation, military men.

Актуальность исследования

Под тревожностью в психологии понимают склонность человека переживать тревогу, т. е. эмоциональное состояние, возникающее в ситуациях неопределенной опасности и проявляющееся в ожидании неблагоприятного развития событий. Тревожные люди живут, ощущая постоянный беспричинный страх. Они часто задают себе вопрос: «А вдруг что-нибудь случится?» Повышенная тревожность может дезорганизовать любую деятельность (особенно значимую), что в свою очередь приводит к низкой самооценке, неуверенности в себе («Я же ничего не мог!»). Таким образом, это эмоциональное состояние может выступать в качестве одного из механизмов развития невроза, так как способствует углублению личностных противоречий (например, между высоким уровнем притязаний и низкой самооценкой).

Определенный уровень тревожности — естественная и обязательная особенность активной деятельности личности. У каждого человека существует свой оптимальный или желательный уровень тревожности — это так называемая полезная тревожность. Оценка человеком своего состояния в этом отношении является для него существенным компонентом самоконтроля и самовоспитания. Однако повышенный уровень тревожности является субъективным проявлением неблагоприятия личности.

Проявления тревожности в различных ситуациях не одинаковы. В одних случаях люди склонны вести себя тревожно «всегда и везде», в других они обнаруживают свою тревожность лишь время от времени, в зависимости от складывающихся обстоятельств.

Ситуативно-устойчивые проявления тревожности принято называть личностными и связывать с наличием у человека соответствующей личностной черты (так называемая личностная тревожность). Это устойчивая индивидуальная характеристика, отражающая предрасположенность субъекта к тревоге и предполагающая наличие у него тенденции воспринимать достаточно широкий «веер» ситуаций как угрожающий, отвечая на каждую из них определенной реакцией. Как предрасположенность, личностная тревожность активизируется при восприятии определенных стимулов, расцениваемых человеком как опасные, связанные со специфическими ситуациями угрозы его престижу, самооценке, самоуважению.

Ситуативно-изменчивые проявления тревожности именуется ситуативными, а особенность личности, проявляющей такого рода тревожность, обозначают как «ситуационная тревожность». Это состояние характеризуется субъективно переживаемыми эмоциями: напряжением, беспокойством, озабоченностью, нервозностью. Такое состояние возникает как эмоциональная реакция на стрессовую ситуацию и может быть разным по интенсивности и динамичным во времени.

Личности, относимые к категории высокотревожных, склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций и реагировать весьма напряженно, выраженным состоянием тревожности.

Поведение повышено тревожных людей в деятельности, направленной на достижение успехов, имеет следующие особенности:

- высокотревожные индивиды эмоционально острее, чем низкотревожные, реагируют на сообщения о неудаче;
- высокотревожные люди хуже, чем низкотревожные, работают в стрессовых ситуациях или в условиях дефицита времени, отведенного на решение задачи;
- боязнь неудачи — характерная черта высокотревожных людей; эта боязнь у них доминирует над стремлением к достижению успеха;
- мотивация достижения успехов преобладает у низкотревожных людей; обычно она перевешивает опасение возможной неудачи;
- для высокотревожных людей большей стимулирующей силой обладает сообщение об успехе, чем о неудаче;
- низкотревожных людей больше стимулирует сообщение о неудаче.

Личностная тревожность предрасполагает индивида к восприятию и оценке многих объективно безопасных ситуаций как таких, которые несут в себе угрозу.

Деятельность человека в конкретной ситуации зависит не только от самой ситуации, от наличия или отсутствия у индивида личностной тревожности, но и от ситуационной тревожности, возникающей у данного человека в данной ситуации под влиянием складывающихся обстоятельств.

Воздействие сложившейся ситуации, собственные потребности, мысли и чувства человека, особенности его тревожности как личностной тревожности определяют когнитивную оценку им возникшей ситуации. Эта оценка в свою очередь вызывает определенные эмоции (активизация работы автономной нервной системы и усиление состояния ситуационной тревожности вместе с ожиданиями возможной неудачи). Информация обо всем этом через нервные механизмы обратной связи передается в кору головного мозга человека, воздействуя на его мысли, потребности и чувства.

Для того чтобы повысить эффективность профессиональной деятельности (боевая подготовка) военнослужащих в период адаптации к военной службе, солдату нужно научиться контролировать свое состояние в стрессовых ситуациях, понижая уровень тревожности по необходимости.

Контролером понижения уровня тревожности может служить ассоциация цифрового кода с состоянием релаксации, сформированного в ходе выполнения методики «директивный сон».

Методика «Директивный сон»

Методика «директивный сон» — это аудиозапись, в которой воспроизводится голос диктора (далее — диктор), инструктирующего испытуемого о правильности выполнения методики. Диктор задает темп дыхания (5 сек. на дыхательное движение) и озвучивает ряд по-

зитивных установок на выдохе. Испытуемый может задействовать воображение и самостоятельно понизить уровень тревожности. Во время выполнения методики диктор предлагает испытуемому возможность регуляции тревожности путем ассоциации индивида с текущим состоянием спокойствия, которое переживает индивид при прослушивании методики (результаты исследования см.: Юридическая психология № 1 2017 г.).

Текст методики

Инструкция:

Здравствуй, вам будет озвучен ряд установок для саморегуляции своего состояния, для этого вам необходимо задействовать свое воображение, занять удобное положение и слушать диктора. Вы можете принимать эти установки, а можете не принимать, продолжать методику или не продолжать. Услышав звук дыхания, и если вам будет комфортно, то попытайтесь подстроиться по его темп (задается темп дыхательных движений, который фоном сопровождает на протяжении всей методики, осуществляет-ся вокализация установок на выдохе).

Вы можете занять удобное положение,

Скорее всего, это сидя, облокотившись на спинку кресла,

И положить руки так, как вам удобно,

Тем самым почувствовав небольшое расслабление.

Вы можете закрыть глаза,

А можете не закрывать.

Но для того чтобы лучше расслабиться,

Может быть, лучше закрыть.

Мы все приехали с разных уголков нашей страны:

Кто-то с севера, а кто-то с юга,

Кто-то с запада, а кто-то с востока.

И всех нас объединяет что-то одно.

Возможно, у вас был тяжелый день,

Может быть, проблемы с начальством,

Сложности в коллективе или проблемы в семье,

Может быть, все начинает надоедать.

И наверное, я попрошу вас

Представить себя, как будто пролетающим над домами,

Наблюдая сверху их цветные крыши и серые дороги,

Зеленые деревья и огоньки окон.

Слушая шум ветра, ощущая чувство легкости и свободы.

Вы можете представить, как улетаете

В какой-нибудь далекий уголок природы,

В котором вам хотелось бы побывать,

Это может быть даже другая планета,

Но там наверняка есть небо, голубое как море,

А может быть, есть море, голубое как небо.

Вы можете представить шум его волн,

Ощущая всем телом, теплый летний ветерок.

Может быть, где-то на горизонте виднеются горы,
Покрытые у подножья зеленым лесом,
А ближе к вершине — серыми скалами и снегом,
Сливаясь с белыми, как вата, облаками.

И где-то там виднеется яркое солнце,

Окутывая своими лучами,

Проникая под кожу и даря свое тепло,

Согревая вас изнутри.

Сделав глубокий вздох,

Вы можете вдохнуть в себя всю атмосферу этого волшебного места,

И выдохнув из себя всю накопившуюся усталость и тревогу.

Можете повторить это еще раз,

Ощущая где-то в глубинное себя небольшое изменение

С каждым вздохом положительная энергия

Наполняет вас изнутри,

Проникая в кончики пальцев ваших рук и ног.

А негативная энергия покидает вас с каждым выдохом.

Вдыхая в себя новые силы и чувство веры в себя,

Увидев новые горизонты своих возможностей,

Вы всегда можете быть спокойным,

Для этого только нужно закрыть глаза

И произнести следующие цифры:

«129 921»,

Вспомнив чувство полета, море, и шум его волн...

Повторяю: «129 921».

Завтра будет новый день,

И вы на один день станете ближе к своей цели.

Услышав звонок, вы откроете глаза, будете свежим и отдохнувшим,

Полным сил и ставшим немного сильнее.

«ЗВОНОК»

В любой ситуации вы можете сохранять спокойствие,

Для этого нужно только закрыть глаза и произнести про себя следующие цифры «129 921».

Цель исследования

Сформировать у испытуемых ассоциацию цифрового кода с состоянием релаксации.

Методы исследования

Методика «директивный сон», Спилбергер СТ, САН, 8-цветовой Люшер, анкета обратной связи.

Создание ассоциативной связи

Ассоциация — закономерно возникающая связь между отдельными событиями, фактами, предметами или явлениями, отраженными в сознании инди-

вида и закрепленными в его памяти. При наличии ассоциативной связи между психическими явлениями «А» и «Б» возникновение в сознании явления «А» закономерным образом влечет проявление в сознании явления «Б».

По окончании методики у испытуемых может сформироваться ассоциативная связь пониженного уровня ситуативной тревожности (см.: Юридическая психология №1 2017 г.) с озвученным в методике «директивный сон» кодом «129 921», что и может служить контролером для понижения уровня тревожности.

При неоднократном выполнении методики ассоциативная связь между пониженным уровнем ситуативной тревожности и цифровым кодом может усиливаться.

Организация и проведение эксперимента

Для эксперимента был выбран взвод военнослужащих (30 человек) и разделен на две группы (контрольную и экспериментальную) по 15 человек. После прохождения начальной военной подготовки было проведено исследование ситуативной тревожности военнослужащих с помощью методики «Спилбергер СТ», текущего состояния по САН, 8-цветовой Люшер.

Исследование проходило в спокойной и непринужденной обстановке, что подтвердилось данными, полученными по методике САН.

В течение недели после исследования с экспериментальной группой было проведено три занятия по саморегуляции тревожности с применением методики ДС с интервалом через день. Каждый раз после выполнения методики военнослужащим ставилась задача использовать цифровой код в экстремальных, учебных, боевых ситуациях, а также при необходимости в бытовой деятельности для регуляции и контроля своего состояния. С контрольной группой занятия по саморегуляции уровня тревожности не проводились.

Через день после окончания обучения методу саморегуляции «директивный сон» экспериментальной группы было проведено повторное исследование ситуативной тревожности военнослужащих взвода с применением вышеуказанных методик. Перед заполнением бланков методик военнослужащим экспериментальной группы была дана команда применить «цифровой код». По окончании тестирования военнослужащие экспериментальной группы заполнили анкету обратной связи.

Результаты исследования

После обработки результатов были получены следующие данные. В экспериментальной группе наблюдается следующая динамика уровня ситуативной тревожности: у 10 (67%) военнослужащих уровень ситуативной тревожности после применения цифрового кода снизился на 2 стэна; у 3 (20%) военнослужащих уровень ситуативной тревожности снизился на 1 стэн; у 1 (7%) военнослужащего уровень ситуативной тревожности остался без изменений;

у 1 (7%) одного военнослужащего уровень ситуативной тревожности повысился на 1 стэн.

В контрольной группе была отмечена следующая динамика уровня ситуативной тревожности: у 2 (14%) военнослужащих уровень ситуативной тревожности во второй пробе снизился на 1 стэн; у 8 (53%) уровень ситуативной тревожности остался без изменения; у 5 (33%) военнослужащих уровень ситуативной тревожности повысился.

По данным САН, в экспериментальной группе наблюдается улучшение самочувствия, активности и настроения у 12 (80 %) испытуемых. В контрольной группе статистически значимых изменений состояния испытуемых, по данным САН, не наблюдалось.

В анкете обратной связи были следующие вопросы: понравилась ли вам методика «директивный сон» (на что ответили положительно 15 (100%) военнослужащих); вы использовали цифровой код для саморегуляции своего состояния в профессиональной деятельности и это вам помогало (на что положительно ответили 14 (93%) военнослужащих и 1 (7%) — отрицательно); с количеством раз прослушивания методики «директивный сон» ассоциативная связь состояния спокойствия усиливалась с цифровым кодом (положительно ответили 13 (86%) военнослужащих, 1 (7%) затрудняется ответить, 1 (7%) отрицательно); будете ли вы использовать цифровой код в профессиональной деятельности (положительно 13 (86%) военнослужащих, 1 (7%) затрудняется ответить, 1 (7%) ответил отрицательно).

Вывод

Общие выводы оценки эффективности экспериментальной методики. В ходе эксперимента гипотеза исследования нашла свое подтверждение: уровень ситуативной тревожности можно регулировать с помощью ассоциации индивидом с ранее переживаемым опытом, а также то, что ассоциацию с состоянием релаксации можно создать искусственно. Так как после применения цифрового кода военнослужащими экспериментальной группы уровень ситуативной тревожности снизился в два раза, а уровень самочувствия, настроения, активности повысился, что подтверждается данными опросника САН, а также результатами интервью и анкетирования, которые подтвердили улучшение самочувствия после применения методик.

Литература

1. Белых-Силаев Д.В., Ивашин А.Г., Ланцов Д.Е. Акцентуации характера и подходы к их классификации // Юридическая психология. 2013. № 2. С. 34–40.
2. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000. 367 с.
3. Муромцев И.Ю. Методика «директивный сон» как средство психической саморегуляции военнослужащих с высоким уровнем тревожности // Юридическая психология. 2016. № 4. С. 35.

ВОЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В УКРАИНЕ (КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Караяни Александр Григорьевич,

член-корреспондент Российской академии образования,
доктор психологических наук, профессор
karayani@mail.ru

Гайдамашко Игорь Вячеславович,

член-корреспондент Российской академии образования,
доктор психологических наук, профессор
mail@raop.ru

Кандыбович Сергей Львович,

член-корреспондент Российской академии образования,
доктор психологических наук, профессор
119121, Москва, ул. Погодинская, дом 8

Участие украинских войск в гражданской войне в Украине сопровождается высоким уровнем боевого стресса, посттравматических стрессовых расстройств, самоубийств, дезертирства, употребления спиртных напитков и наркотических средств, социальной дезадаптацией ветеранов боевых действий. Военные психологи Вооруженных сил Украины оказались не готовыми к решению колоссального объема задач психологической подготовки, реабилитации и социально-психологической реадaptации участников боевых действий. Эта неготовность обусловлена недостатком сил, средств, профессионализма военных психологов. В решении задач психологического обеспечения боевых действий активное участие принимают украинские и зарубежные гражданские военные психологи. Создаются консультационные и реабилитационные центры, интернет-сайты, онлайн-консультирования, мобильные программы-консультанты, переводятся зарубежные учебники и наставления по психологической помощи. Зарубежные специалисты проводят семинары и мастер-классы с украинскими военными и гражданскими психологами как в Украине, так и за рубежом. Стабилизируется подготовка военных психологов в военных и гражданских вузах страны. Делаются шаги в создании психологической службы в Вооруженных силах Украины.

Ключевые слова: военная психология, Украина, психологическая помощь, психологическая реабилитация.

MILITARY PSYCHOLOGY IN CONTEXT OF CIVIL WAR IN THE UKRAINE (CRITICAL ANALYSIS)

Karayani Aleksandr G.,

Corresponding Member of the Russian Academy of Education,
Doctor of Psychology, Professor

Gaydamashko Igor V.,

Corresponding Member of the Russian Academy of Education,
Doctor of Psychology, Professor

Kandybovich Sergey L.,

Corresponding Member of the Russian Academy of Education,
Doctor of Psychology, Professor

Participation of the Ukrainian armies in civil war in the Ukraine is accompanied by high level of fighting stress, posttraumatic stressful frustration, suicides, desertions, the uses of spirits and narcotics, social desadaptation veterans of operations. Military psychologists of armed forces of the Ukraine have appeared not ready to the decision of enormous volume of problems to psychological preparation, rehabilitation and socially-psychological readaptation participants of operations. This unavailability is caused by a lack of forces, means, professionalism of military psychologists. In the decision of problems of psychological maintenance of operations active participation is accepted by the Ukrainian and foreign civil military psychologists. The consulting and rehabilitation centres, Internet sites online consultations are created, mobile programs-advisers, the foreign textbooks and manuals on the psychological help are translated. Foreign experts hold seminars and master classes with the Ukrainian military and civil psychologists as in the Ukraine, and abroad. Preparation of military psychologists in military and civil high schools of the country is stabilized. Steps to creation of psychological service to armed forces of the Ukraine become.

Key words: military psychology, the Ukraine, the psychological help, psychological rehabilitation.

Украина переживает один из самых драматических этапов в своей истории. Все ее усилия нацелены главным образом на реализацию сверх идеи — обретения самостоятельности. Цена достижения этой цели велика. Самостоятельность иногда бывает вещью дорогой, крайне тяжелой, а при определенных обстоятельствах — разрушительной. Она проявляется не только в возможности «дышать воздухом свободы», чувствовать себя абсолютным хозяином своей земли, но и в повседневном доказательстве своей самостоятельности, в высочайшей ответственности за свои поступки, способности ею правильно распоряжаться.

На пути к своей самостоятельности Украина встретила суровые вызовы, среди которых экономическая деградация, социальная дезинтеграция, политическая вакханалия. Пожалуй, самым драматическим событием на этом пути является ожесточенная и кровопролитная гражданская война. Эта война еще раз отчетливо высветила «человеческое измерение» вооруженного противостояния, показала мощь и хрупкость нравственных, психических, духовных сил человека, остро поставила вопрос о роли и месте военной психологии как инструмента их развития, сохранения, приумножения и восстановления. Пожалуй, ни в каком другом военном событии последних десятилетий военная психология не получала такого кредита доверия и не обретала такого высокого социального статуса в конкретной стране. О важности и крайней необходимости военной психологии говорят военно-политические руководители страны, общественные деятели, представители различных социальных групп, сами военнослужащие. Сотни военных и гражданских психологов из Украины, а также почти из сорока зарубежных государств работают на военные цели. Опыт их деятельности активно обсуждается в СМИ, в интернет-пространстве, социальных сетях.

Что же вызвало такой «военно-психологический бум»? Как можно оценить боевой опыт военной психологии в Украине? Каково содержание этого опыта? Ответ на эти вопросы и составляет цель настоящей статьи. Критический взгляд на состояние и основные тенденции развития военной психологии в Украине, ее роль в психологическом обеспечении боевых действий украинской армии в зоне гражданской войны интересен тем, что она вырастает из советской и российской военной психологии и, несмотря на стремление к самостоятельности, связана с ними прочной пуповиной. Он также интересен потому, что военные события в Украине происходят вблизи границ нашей страны.

В компетенцию психолога не входят нравственная и политическая оценка причин и способов ведения войн. Поэтому мы остановимся на анализе процессов, происходящих в современной украинской военной психологии, которая, как показывает изучение, является активной участницей этой войны.

Методы исследования

Достижение цели исследования осуществлялось методами контент-анализа литературных и интер-

нет-источников, их логико-семантического анализа и проверки с помощью программы оценки оригинальности.

Для проведения исследования нами были выделены единицы поиска: «военная психология», «военный психолог», «украинская военная психология», «военная психология в Украине», «украинский военный психолог», «психологическая подготовка», «психологическая помощь», «посттравматическое стрессовое расстройство».

С помощью матрицы, составленной из этих единиц, были просканированы доступные документы Министерства обороны Украины по организации психологической работы с военнослужащими, а также интернет-сайты с использованием поисковых интернет-систем Google, Yahoo, Rambler, Yandex.

Из обширного массива сайтов и документальных источников, связанных с используемыми единицами поиска, было выделено 126 материалов, касающихся: а) деятельности украинских военных психологов, б) работы украинских гражданских психологов (волонтеров) в интересах армии, в) участия зарубежных психологов в создании методической базы и решении практических задач психологической службы украинских вооруженных сил.

Обсуждение материалов

Логико-семантический анализ, обобщение и кластеризация полученных данных позволяют выделить следующие основные тенденции в развитии современной украинской военной психологии.

1. Причинами резкого роста внимания к военной психологии в Украине являются чрезвычайно тяжелые психологические последствия участия украинских военнослужащих в боевых действиях. Среди наиболее драматических психологических последствий войны — колоссальные объемы психологических проблем, связанных с боевым стрессом и расстройствами посттравматического спектра.

На сегодняшний день в Украине не сложилась практика выявления и оценки посттравматического стресса у участников боевых действий, в связи с нехваткой квалифицированных специалистов, диагностических средств, политической воли. В результате имеет место путаница понятий «боевой стресс», «посттравматическое стрессовое расстройство» (ПТСР) и «симптомы посттравматического стрессового расстройства». В качестве своеобразного ориентира, по словам министра внутренних дел А. Авакова, используется «общепризнанный международный стандарт по военным конфликтам — 90–95 % участников боевых действий впоследствии имеют медицинские (связанные с нервной системой) и социальные проблемы, а у около трети диагностируется посттравматический синдром»¹.

На самом деле приведенные цифры не имеют ничего общего с международными стандартами

¹ 500 солдат ВСУ, воевавших на Донбассе, покончили жизнь самоубийством [Электронный ресурс] // URL: <https://topwar.ru/118685-avakov-primerno-500-voevavshih-na-donbasse-ukrainskih-voennyh-pokonchili-zhizn-samoubiytvom.html>

психологических последствий войны. Они отражают тенденции, характерные главным образом для американской армии, имеющей выраженную психологическую специфику. В американской армии солдат воюет не на своей территории, вдали от родины, в непривычных природно-географических, погодно-климатических и культурологических условиях, не за жизненно важные интересы страны. Будущий американский солдат воспитывается в индивидуалистическом духе. Воинские подразделения, составленные из таких бойцов, редко становятся настоящими коллективами. Боевые действия американской армии, как правило, сопровождаются насилием, массовой гибелью гражданского населения. Американские военные психологи всячески «заывают» военнослужащих получать психологическую помощь. Среди американских военнослужащих широко распространены «законные» и «незаконные» наркотики. Следствием этого и являются запредельно высокие уровни боевого стресса и пресловутые синдромы (вьетнамский, корейский, иракский, афганский) с большими объемами посттравматических стрессовых расстройств.

Суть этих синдромов состоит в том, что «ветераны той или иной захватнической несправедливой войны, вернувшись домой, сталкиваются с равнодушием, безразличием и презрением со стороны сограждан и государства, не могут найти себя в мирной жизни, не встречают понимания собственных проблем. А главное — не в состоянии справиться с памятью о том, как и почему они участвовали в массовых убийствах, притом совершенно бессмысленных»².

Именно американский стандарт психологических последствий войны был избран украинскими специалистами в качестве рамочного. И реальность незамедлительно «откликнулась». Если еще в 2015 г. Минобороны Украины отрицало наличие посттравматических стрессовых расстройств у участников боевых действий, то сегодня оно официально заявляет о том, что у 80–95 % военнослужащих, возвращающихся из районов боевых действий, обнаруживаются симптомы посттравматического стрессового расстройства (ПТСР)³. По оценке психолога Е. Костюк, которая работает с военными и мобилизованными, без необходимой реабилитации приблизительно 20 % демобилизованных военнослужащих попадают в состояние хронического посттравматического стрессового расстройства, которое существенно снижает качество жизни человека, а иногда и значительно сокращает ее. Мощное психологическое давление войны на украинских военнослужащих, по мнению заместителя начальника психологической службы национальной гвардии Украины С. Чижевского, ведет к тому, что «98 процентов участников боевых

действий будут нуждаться в квалифицированной психологической помощи»⁴.

Сравнительный анализ объемов ПТСР в украинской армии и армиях стран, систематически участвующих в боевых действиях, показывает, что они соответствуют объемам расстройств в армии США⁵ (страна около 20 лет участвует одновременно в двух войнах) и существенно превышают аналогичные показатели в армиях Великобритании⁶ и Израиля⁷ (см. рис. 1).

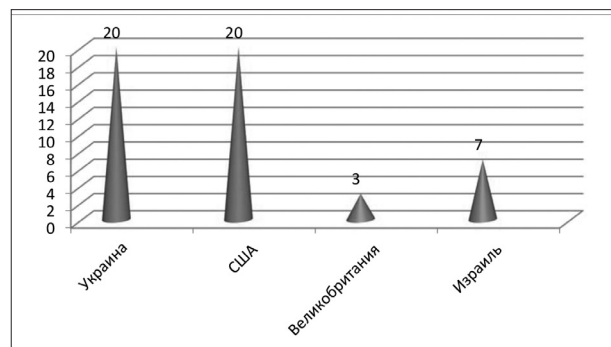

Рис. 1. Сравнительный анализ объемов ПТСР в армиях государств, систематически участвующих в боевых действиях⁸

Анализируя сложившуюся ситуацию, Аваков отмечает, что даже после окончания войны военные действия будут в психологическом плане долго давать о себе знать тем, кто в них участвовал, а также родным и близким этих людей, которым придется жить в «гибридном мире». По его словам, требуется комплексная, целостная программа на государственном уровне, направленная на минимизацию негативных последствий «поствоенного синдрома» как социального явления. Необходимо понимание и признание, что эта проблема является глобальной проблемой украинского общества⁹.

Не менее драматическим вызовом для военных психологов Украины являются «зашкаливающие» масштабы самоубийств среди участников боевых действий и ветеранов войны. Эти масштабы особенно отчетливо видны на фоне сравнения с аналогичными

² За что «ветераны АТО» массово расстреливают себя [Электронный ресурс] // URL: <http://rusvesna.su/news/1498340221>

³ Минобороны Украины: психологические проблемы имеют около 80 % участников «специальной операции» [Электронный ресурс] // URL: <http://odnarodyna.org/content/minoborony-ukrainy-psihologicheskie-problemy-imeyut-okolo-80-uchastnikov-specoperacii>

⁴ Военный психолог: «98 процентов участников АТО будут нуждаться в помощи» [Электронный ресурс] // URL: <http://kr.ua/politics/480139-voennyi-psyholoh-98-protsentov-uchastnykov-ato-budut-nuzhdatsia-v-pomoschy>

⁵ Караяни А.Г., Караяни Ю.М., Зинченко Ю.П. Американская военная психология как область специальной практики // Национальный психологический журнал. 2014. № 1 (13). С. 63–71.

⁶ Британия: потери в армии от суицида превысили боевые [Электронный ресурс] // URL: http://www.bbc.com/russian/uk/2013/07/130714_uk_army_suicide_rate

⁷ Обнаружены факторы посттравматического стрессового расстройства [Электронный ресурс] // URL: <http://israelreport.ru/science/6362/obnaruzheny-factory-posttravmaticheskogo-stressovogo-rastroistva>

⁸ Оперативные данные по объемам ПТСР у участников боевых действий в большинстве армий носят закрытый характер. В связи с этим здесь приведены данные за 2012–2015 гг.

⁹ 500 солдат ВСУ, воевавших на Донбассе, покончили жизнь самоубийством...

показателями в других армиях, систематически участвующих в военных событиях (см. рис. 2).

По официальным данным Минобороны Украины, на начало 2017 г., то есть менее чем за три года участия в боевых действиях, на передовой совершили самоубийство 259 военнослужащих¹⁰. Если взять в среднем по 86 суицидов в год в группировке из 60 000 человек и привести эти данные к расчету на 100 000 человек, мы получим цифру 143 самоубийства в год.

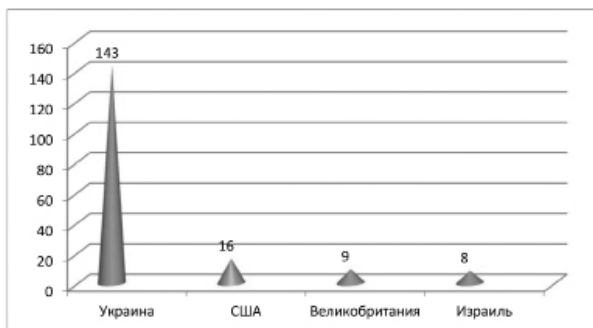

Рис. 2. Сравнительный анализ самоубийств среди военнослужащих армий, систематически участвующих в боевых действиях (на 100 000 чел.)¹¹

Из рис. 2 видно, что число самоубийств в украинской армии многократно превышает аналогичные показатели в армиях США¹², Великобритании¹³, Израиля¹⁴.

Еще более тревожная суицидальная обстановка складывается среди ветеранов боевых действий. По официальным оценкам, за три неполных года ведения боевых действий более 500 ветеранов ВСУ покончили жизнь самоубийством¹⁵. Если взять официальную цифру потерь Вооруженных сил Украины (ВСУ) за время ведения боевых действий — 2500 человек, то совокупное количество самоубийств участников и ветеранов боевых действий (759) составит 30 % от боевых потерь.

Среди причин самоубийств ветеранов называют несбывшиеся ожидания, травмирующие воспоминания о жестоком насилии по отношению к местному населению, неисполнение властями обещаний о льготах и привилегиях, растущее негативное отношение местного населения.

Оказалось, что «любой водитель маршрутки может выбросить “героя” прямо на асфальт, что любой чиновник жестяным голосом на требование шматка земли объявляет — “я вас туда не посылал”»,

¹⁰ Экономят на «героях» [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2017/06/28/na-ukraine-silovikov-obvinili-v-zamalchivanii-ubijstv-voennyh.html/>

¹¹ Приведены данные за 2012–2015 гг.

¹² Караяни А.Г., Караяни Ю.М., Зинченко Ю.П. Указ. соч.

¹³ Британия: потери в армии от суицида превысили боевые [Электронный ресурс] // URL: http://www.bbc.com/russian/uk/2013/07/130714_uk_army_suicide_rate

¹⁴ В израильской армии участились случаи самоубийств среди солдат [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-SjX3VxuoU>

¹⁵ 500 солдат ВСУ, воевавших на Донбассе, покончили жизнь самоубийством...

что соседи не заходят с тобой в лифт, а в метро от тебя отсаживаются нервные обыватели. Более того, тебя боятся собственные жена и дети, потому что именно они первыми страдают от твоего уже не контролируемого насилия. Оказывается также, что по ночам тебя преследуют убитые, изнасилованные, искалеченные, ограбленные — тобой или твоими побратимами-подельниками. Что невозможно смириться с тем, что ты сам натворил. Что нет у тебя будущего, а есть злость, обида, чувство вины и абсолютная ненужность этому новому дивному миру, который... еще страшнее, чем ты ожидал увидеть»¹⁶.

Неясность целей войны, постоянная угроза смерти, ранения, потеря боевых товарищей, неустроенность военно-полевого быта обуславливают огромные масштабы дезертирства в ВСУ. По словам главного военного прокурора Украины А. Матиоса, только за первый год боевых действий военная прокуратура завела 17 000 дел по факту дезертирства из вооруженных сил,¹⁷ что составляет почти 30 % личного состава действующей группировки войск. Такого числа военнослужащих хватило бы для того, чтобы укомплектовать 5–7 полноценных войсковых бригад.

Боевой стресс, посттравматические стрессовые расстройства, дезертирства и самоубийства подогреваются злоупотреблением спиртными напитками и наркотическими средствами. По данным военной прокуратуры, с начала боевых действий по «небоевым» причинам погибло почти 1300 военнослужащих¹⁸. Одна из самых распространенных причин небоевых потерь военнослужащих в зоне боевых действий — гибель в результате неосторожного обращения с оружием (39 случаев). Однако сами военные специалисты утверждают, эти смерти являются следствием другой проблемы в армии — пьянства. Хотя, по официальным данным, от отравлений алкоголем и наркотиками в 2016 г. в украинской армии умерло всего 10 человек, по словам военных, за гибелью в результате несчастных случаев (29 человек), убийствами (30 человек), дорожно-транспортных происшествий (18 человек) стоит именно алкоголь¹⁹. По словам руководителя социально-психологического управления, заместителя руководителя главного управления по работе с личным ВСУ полковника В. Покотило, каждый шестой случай небоевых потерь, каждое пятое ДТП с участием военнослужащих, практически все случаи хулиганства, каждое пятое нарушение воинской дисциплины и каждое десятое психиатрическое

¹⁶ За что «ветераны АТО» массово расстреливают себя [Электронный ресурс] // URL: <http://rusvesna.su/news/1498340221>

¹⁷ Войсковая группировка Украины в вооруженном конфликте на востоке Украины [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

¹⁸ Военный психолог назвал причины частых суицидов среди украинских бойцов [Электронный ресурс] // URL: <https://frazua/news/256380-voennyj-psiholog-nazval-prichiny-chastyh-suitsidov-sredi-ukrainskih-bojtsov>

¹⁹ Небоевые потери: почему украинские солдаты погибают, когда пушки молчат [Электронный ресурс] // URL: <https://apostrophe.ua/article/society/2017-01-12/pochemu-na-frontepogibaet-bolshe-soldat-kogda-pushki-molchat/9444>

заболевание — это следствие злоупотребления спиртными напитками. Главное управление по работе с личным составом неоднократно направляло письма в государственные администрации областей по вопросу об ограничении продажи спиртных напитков на их территории²⁰.

Военный психолог Т. Руденко отмечает, что в украинскую армию по причине плохого профессионального психологического отбора в военкоматах попадают пьяницы с алкоголизацией 10, 15 и даже 20 лет²¹.

Еще одним из неблагоприятных психологических последствий участия в боевых действий является то, что в 2015 г. в восемь раз увеличилось количество обращений членов семей украинских ветеранов с жалобами на **бытовое насилие**²².

Сложившаяся обстановка побудила военнополитическое руководство Украины обратиться к военной психологии как потенциально ресурсному средству восстановления морально-психологических возможностей участников боевых действий. В основе этого внимания к психологии лежала формула, выведенная войной: «...один психолог может повысить выносливость и психологическую устойчивость подразделения в семь раз»²³.

В общественном мнении Украины сложилось однозначное мнение о том, что «военные психологи нужны» и что «военных психологов явно не хватает». Важность роли психологов в армии доказана, и движение в направлении формирования эффективной системы психологического обеспечения начата²⁴. Ядерные вопросы военной психологии («психологическая подготовка», «профилактика боевого стресса», «психологическая помощь ветеранам, страдающим симптомами ПТСР» и др. возведены в ранг государственной политики).

2. Изменение социального статуса военной психологии в Украине сопровождается конкретными мерами по ее организационному укреплению.

После 1991 г. украинским военным руководством была осознана роль военной психологии в решении задач психологического обеспечения решения задач, стоящих перед частями и подразделениями. Анализ документов, определяющих организацию и содержание работы с личным составом ВСУ, показывает, что была с небольшими изменениями скопирована российская система морально-психологического обеспечения воинской деятельности.

Судя по открытым публикациям в каждой бригаде, батальоне (дивизионе) были введены должности психологов. Свообразным ориентиром при решении этих задач было создание психологической служ-

бы, позволяющей планировать и проводить действенные меры психологической помощи и реабилитации с охватом до 75 % военнослужащих. В качестве расчетной нормы было взято соотношение: 1 психолог на 50–75 военнослужащих. Для того чтобы обеспечить необходимое число военных психологов, с 1992 г. была начата их подготовка в Научно-исследовательском методическом центре Вооруженных сил Украины. С 1994 г. подготовка военных психологов осуществлялась по двухуровневой схеме. Во-первых, офицеры-психологи тактического звена готовились в Военном институте Киевского национального университета имени Тараса Шевченко. Наряду с этим сотни офицеров с психологическим образованием было подготовлено на психологических факультетах ряда гражданских высших учебных заведений. Во-вторых, с 1994 г. в Киевском военном гуманитарном институте, а с 2003 г. — в Национальной академии обороны Украины осуществляется подготовка офицеров-психологов оперативно-тактического уровня²⁵. За прошедшее время здесь было подготовлено более 1000 офицеров-специалистов в области военной психологии и психологической работы.

Однако заимствованная у российских военных система морально-психологического обеспечения воинской деятельности на украинской почве ожидаемых результатов не дала и в условиях ведения боевых действий показала свою несостоятельность. Штатные силы психологической работы оказались неготовыми к решению того объема и перечня задач, который выдвинула война.

Анализ публикаций по военно-психологической тематике позволяет предположить, что на определенном этапе развития украинской военной психологии она подверглась «жесткому реформированию», точнее всестороннему сокращению. По оценкам некоторых специалистов, ее «пытались уничтожить»²⁶. Достаточно сказать, что набор в Военный институт Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, готовивший военных психологов на протяжении 28 лет, в 2013 г. составлял всего 4 человека.

Сегодня подготовка офицеров-психологов для украинской армии обретает стабильность. Анализ текстовых и видеодокументов позволяет заключить, что они обучаются на всех курсах Национальной академии обороны Украины. В Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко в 2014 г. 22 юноши и девушки поступили на военно-психологическую специальность. В 2017 г. намечено увеличение набора в два раза²⁷.

²⁰ Войсковая группировка Украины в вооруженном конфликте на востоке Украины [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

²¹ Небоевые потери: почему украинские солдаты погибают, когда пушки молчат...

²² 500 солдат ВСУ, воевавших на Донбассе, покончили жизнь самоубийством...

²³ Военная психология в Украине: ее пытались уничтожить. Но она возродилась [Электронный ресурс] // URL: <http://argumentua.com/stati/voennaya-psikhologiya-v-ukraine-ee-ptyalis-unichtozhit-no-ona-vozdilasl>

²⁴ Там же.

²⁵ Алещенко В.И. Военная психология: ретроспективный анализа и последующего развития [Электронный ресурс] // URL: <http://repository.kpi.kharkov.ua/handle/KhPI-Press/18047>; Ложкин Г.В., Блинов А.А. Военная психология в Украине с 1990 по 2012 гг. // Вестник Национального университета обороны Украины : сб. науч. тр. М. : НУОУ, 2013. Вып. 1 (32). С. 221–228.

²⁶ Военная психология в Украине: ее пытались уничтожить. Но она возродилась...

²⁷ Университет Шевченко готовит военных психологов для АТО [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7vMaNelnlw>

В учебных планах академии представлены учебные дисциплины, отражающие различные аспекты подготовки военных психологов. Положительным моментом этой подготовки является основательная полевая выучка психологов. Для этого в академии создана соответствующая учебно-материальная база, в частности, учебный центр, полоса психологической подготовки²⁸. Так, в апреле 2016 г. в учебном центре национальной академии такую полосу прошли психологи нацгвардии. Организаторы занятия отмечали, что «военным психологам важно на себе почувствовать, что приходится пережить военнотружущему во время боевых действий». Для этого проводятся занятия по тактической медицине, оказанию помощи раненым и эвакуации пострадавших с поля боя²⁹.

Однако, по словам выпускников академии, несмотря на наличие полевых занятий в системе подготовки военных психологов не хватает практики собственно психологической работы, отсутствуют преподаватели, имеющие боевой опыт³⁰.

Этот недостаток пытаются устранить непосредственно в войсках. С действующими военными психологами проводятся сборы и полевые учения³¹. На этих учениях психологи погружаются в походно-полевую жизнь, проходят «психологическую полосу», на которой моделируются различные стресс-факторы современной войны. Для этого используются огнесмеси, взрывпакеты, дымовые шашки, холостые патроны, муляжи трупов, сложные препятствия и т. д.

3. Постепенно расширяются границы предметного поля военной психологии в Украине. Сегодня приоритетными сферами военно-психологических исследований и практики провозглашены: психологическая адаптация военнотружущих к различным условиям обучения и службы (в мирное время, и в условиях боевой деятельности); психофизиология военной деятельности; психологическая реабилитация военнотружущих с ПТСР; психологическое сопровождение военнотружущих, выполняющих миссии в особых условиях; подготовка и психологическая готовность к военной деятельности и ее специфических разновидностей; психодиагностика и психологические аспекты профессионального отбора в военно-профессиональной сфере и другие³².

²⁸ Там же.

²⁹ Офицеры-психологи Нацгвардии прошли армейскую полосу препятствий, начиненную стресс-факторами [Электронный ресурс] // URL: <http://gordonua.com/photo/events/oficery-psihologi-nacgvardii-proshli-armeyskuyu-polosu-prepyatstviy-nachinennyu-stress-faktorami-fotoreportazh-129588.html>

³⁰ Военный психолог о подготовке кадров: «У нас не хватает контроля за психологами» [Электронный ресурс] // URL: <https://rozmovna.wordpress.com/2016/01/29/andrij-kozinchuk/>

³¹ На полигоне под Житомиром военные психологи со всей Украины учатся помогать бойцам преодолевать шоковое состояние [Электронный ресурс] // URL: http://www.zhitomir.info/news_148262.html ; Украинские военные психологи переняли опыт НАТО и лучших армий мира [Электронный ресурс] // URL: <http://umoloda.kiev.ua/number/0/2006/110179/>

³² Алещенко В.И. Военная психология: ретроспективный анализа и последующего развития [Электронный ресурс] // URL: <http://repository.kpi.kharkov.ua/handle/KhPI-Press/18047>

Вместе с тем участие украинских войск в боевых действиях перераспределяет акценты в сфере задач, решаемых военно-психологическими структурами. Главными направлениями психологической работы стали психологическая профилактика негативных последствий боевого стресса и посттравматического стрессового расстройства.

Однако, несмотря на то что сегодня в зоне боевых действий насчитывается порядка 500 военных психологов (примерно 1 психолог на 120 военнотружущих), по оценкам специалистов, действующие при Минобороны Украины социально-психологический центр и военные психологи частей и подразделений не справляются с объемами психологической помощи, в которой нуждаются военнотружущие. В связи с этим в зону боевых действий регулярно направляются представители различных гражданских психологических сообществ. Среди них: Психологическая кризисная служба (включающая сотни волонтеров), Кризисный центр медико-психологической помощи при институте психологии им. Костюка с его волонтерским проектом «Горячая линия психологической помощи участникам и ветеранам АТО, а также членам их семей», ГО «Українська асоціація фахівців з подолання наслідків психотравмуючих подій», «Украинские боевые капелланы» и другие волонтеры-психологи. Но, как отмечают эксперты, пока в этой деятельности нет ни слаженной системы работы, ни единых стандартов, ни критериев оценки эффективности³³.

Широкой известностью пользуется «Украинская ассоциация специалистов по преодолению последствий психотравмирующих событий». Она насчитывает около 500 психологов, которые формируют мобильные группы для оказания психологической помощи военнотружущим в зоне боевых действий. Каждая группа состоит из трех психологов, прошедших специальную подготовку по овладению моделью кризисной помощи и реабилитации. Ассоциация оказывают помощь военнотружущим и членам их семей в тылу. Для этого ею созданы опорные пункты в 19 областных центрах³⁴.

Проявляет активность и «Психологическая кризисная служба», имеющая в своем составе несколько сотен добровольцев. Она работает с внутренними переселенцами, с семьями, ранеными, а также занимается реабилитацией тех, кто вернулся с войны. Некоторые ее специалисты входят в группы психологической подготовки и сопровождения, которые занимаются психологической работой с военнотружущими на всех этапах службы — от учебных центров до подготовки к выходу в запас³⁵. При этом реализуется принцип «психоиндукции», утверждаю-

³³ Вернувшиеся с Донбасса бойцы никогда не будут прежними — военный психолог [Электронный ресурс] // URL: <https://www.facenews.ua/articles/2015/284322/>

³⁴ Украинские военные психологи Андрей Козинчук и Наталья Шапошник: «Для солдата самый важный первый бой» [Электронный ресурс] // URL: <http://psyfactor.org/lect/shaposhnik.htm>

³⁵ Психолог-волонтер на фронте: «У Украины есть шанс остановить постоянное стремление к ретравматизации» [Электронный ресурс] // URL: <https://old.openrussia.org/post/view/14265>

щий, что чем больше военнослужащий знает о том, как может реагировать его тело и психика на опасность, тем меньше неизвестности, которая обычно пугает больше всего. Поэтому даже простое ознакомление со стрессовыми реакциями и отработка в тренинговом формате порядка действий при возникновении стрессовой реакции снижают вероятность возникновения постстрессового расстройства. Психоэдукация (помощь, направленная на обучение человека умению оказывать психологическую поддержку самому себе) позволяет снизить вероятность травматизации и повысить психологическую устойчивость³⁶.

Таким образом, если верить публикациям, в зоне боевых действий «вахтовым методом» работают около 500 военных и порядка 1000 гражданских психологов. Однако существенного перелома в морально-психологическом состоянии военнослужащих не происходит. Это в значительной мере связано с тем, что многие военнослужащие не доверяют психологам и представителям профессий с корнем «псих», видя в психологах и психиатрах угрозу собственной мужественности³⁷.

Еще в большей степени они не готовы доверять гражданским психологам и психологам-женщинам, которые составляют более 80 % в волонтерских организациях³⁸. Для того чтобы несколько сгладить эту проблему, гражданские психологии переодеваются в военную форму. Считается, что психолог-женщина, одетая в военную форму, будет восприниматься более нормально³⁹. Но дело не только в униформе. Некоторые волонтеры-психологи едут в зону боевых действий не для того, чтобы оказывать психологическую помощь нуждающимся, а для повышения своего статуса.

Военный психолог Е. Фастовец указывает на то, что всех военнослужащих, принимающих участие в боевых действиях, можно разделить на три категории: 1) имеющие военную подготовку и мотивацию к активным боевым действиям, 2) имеющие подготовку, но не имеющие мотивации и 3) не имеющие ни подготовки, ни мотивации. Военнослужащие, относящиеся к третьей категории, по ее мнению, больше всего подвержены психотравматизации⁴⁰.

В зоне боевых действий военные и гражданские психологи пытаются оказать психологическую поддержку украинским военнослужащим, осуществляют психологическую реабилитацию психотравмированных участников боевых действий.

С ветеранами боевых действий, страдающими симптомами ПТСР, проводятся психотерапевтические сессии, тренинги, семинары. Специальная

³⁶ Там же.

³⁷ Срочно требуются военные психологи [Электронный ресурс] // URL: <http://spaceglitter2.blogspot.ru/2015/01/>

³⁸ Расстрелянные нервы: Украине не хватает военных психологов [Электронный ресурс] // URL: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2015/01/150116_ru_s_psychologists

³⁹ Украинские военные психологи Андрей Козинчук и Наталья Шапошник...

⁴⁰ Кто готов к войне? Рассказывает военный психолог Фастовец [Электронный ресурс] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CKDuspYtu6w>

психологическая помощь оказывается лицам, побывавшим в плену (таких, по некоторым данным, насчитывается до 1,5 тыс. чел.).

Целенаправленная психологическая работа проводится с «ротированными» (выведенными из боя на время или завершившими участие в боевых действиях) военнослужащими. Официально срок пребывания военнослужащих в боевой обстановке ограничивается 1,5 месяцами. Некоторые из них могут задержаться там на 3–4 месяца. Ротированным военнослужащим дается не более четырех недель для того, чтобы солдат побыть в безопасном месте, отдохнуть, набраться сил, выспаться и продолжить службу. При этом считается важным, чтобы солдаты по возвращении в расположение части или в лагеря базирования не находились без дела, соблюдали распорядок дня, дисциплину, требования устава. Полагается, что время солдат должно быть максимально заполнено спортом, культурными и другими мероприятиями, так, чтобы они отдыхали, но не бездельничали. Это нужно, чтобы не спровоцировать неблагоприятные воспоминания, обострение симптомов стресса. С ротлируемыми военнослужащими требуется постоянная поддержка, общение, умеренные интеллектуальная и физическая нагрузки, то есть «плавная адаптация и отдых»⁴¹.

Не менее сложной является работа с родственниками военнослужащих, участвующих в боевых действиях. Многие из них становятся агрессивными и тревожными, если не могут контролировать ситуацию. Психолог Е. Подолян отмечает, что «солдат, находящийся на поле боя, гораздо больше доверяет себе в страшной ситуации, чем родственник своему близкому, находясь от него в 500-х километрах в безопасном месте. И родственникам также нужна поддержка. Невероятно сложно быть сдержанным, читая сводки из зоны боевых действий, когда твой муж, сын, друг или брат — там»⁴².

Военные и гражданские психологи, побывавшие в зоне боевых действий, делятся своим опытом с широкой аудиторией, в том числе с членами семей участников боевых действий. Они создают центры, реализуют программы и дают мастер-классы по социально-психологической реадaptации и реабилитации ветеранов боевых действий, проводят психотерапевтические сессии и тренинги по психологической реабилитации и реинтеграции лиц, побывавших в плену. В Украине создаются интернет-порталы для оказания онлайн-помощи ветеранам боевых действий и членам их семей. На базе американской программы для смартфонов создано приложение *PFA mobile Ukraine*, созданное для волонтеров, спасателей и других служб реагирования, в том числе военных психологов и командиров. В нем прописаны алгоритмы действий, которые следует применять при первой психологической

⁴¹ Украинский психолог Елена Подолян: «Родственники гораздо хуже переживают тот факт, что их близкие воюют, чем сами военные» [Электронный ресурс] // URL: <http://psyfactor.org/lect/podolyan.htm>

⁴² Там же.

помощи, сохраняется информация о пострадавшем и проведенной работе с ним.

4. Для повышения методологического, методического и технологического уровня психологического обеспечения боевых действий войск украинское военное руководство широко привлекает зарубежных военных и гражданских психологов для решения широкого круга задач.

С 2014 г. с украинскими военными психологами опытом делятся американские, датские, израильские, канадские, грузинские, польские, латвийские, словацкие, хорватские специалисты. По некоторым данным, в этой работе принимают участие психологи из 37 стран⁴³. В какой-то степени можно сказать, что в психологическом плане в рядах украинской армии воюет «психологический интернационал».

Так, масштабный проект — тренинговый курс «Психологическая устойчивость воина» провел бывший главный психолог Вооруженных сил Хорватии З. Комар. Этот проект реализуется канадской неправительственной организацией Stabilization Support Services при финансовой поддержке Посольства Великобритании в Украине⁴⁴. С сентября 2017 г. подобные курсы хорватские специалисты будут проводить на территории Украины. За последние 2 года более 50 украинских военных психологов прошли обучение и стажировки по профилактике посттравматического синдрома в Хорватии. За это же время здесь прошли психопрофилактику 150 участников боевых действий из Украины⁴⁵.

Израильские психологи, имеющие опыт службы в армии Израиля, обучают украинских военных психологов практике профессионального психологического отбора, психологической диагностики, психологической помощи и реабилитации. 11 июня 2015 г. в Киеве, в Министерстве здравоохранения Украины, состоялась открытая лекция военного психолога израильской армии в отставке Альберта Фельдмана на тему «Организация системы психологической защиты военнослужащих». Лекцию прослушали более 150 психологов, психиатров, социальных работников и волонтеров. Лектор рассказал об опыте психологической помощи военным израильской армии и на примере своей страны аргументировал необходимость системы психологической помощи и реабилитации военнослужащих, демобилизованных с военной службы⁴⁶.

С 12 по 14 февраля 2015 г. израильские специалисты — психолог-консультант администрации г. Хайфа Г. Петрова и консультант — офицер психологической службы Сил обороны Израиля М. Пи-

келнер — провели в Киеве тренинговую сессию по преодолению посттравматического синдрома среди жертв военных конфликтов. В тренинге приняли участие 30 военных и гражданских психологов и психиатров. Проект был осуществлен под патронажем посольства Израиля и консула в западно-украинском регионе. Принято решение о регулярном проведении семинаров для обучения украинских специалистов коллегами из Израиля⁴⁷.

В октябре 2016 г. на базе Национальной гвардии Украины специалисты психологической поддержки Национальных вооруженных сил Латвии (НВС) провели совещание с психологами силовых ведомств, военных учебных заведений, украинской лиги офицеров, украинских женских организаций. На встрече обсуждались изменения в правовом регулировании работы психологов и организация психологической поддержки специалистов⁴⁸.

Американские военные специалисты обучают украинских военных психологов методам оказания доврачебной помощи раненым. Для этого используются суперсовременные тренажер-имитаторы, кустарные и заводские муляжи трупов, ролевые игры.

5. В Украине делаются попытки научно осмыслить имеющийся опыт и создать научную и методическую базу для психологической работы с военнослужащими.

В 2006 г. Высшая аттестационная комиссия Украины утвердила паспорт научной специальности 19.00.09 — психология деятельности в особых условиях, который очертил сферу научных исследований в области военной психологии. Вслед за этим была развернута сеть диссертационных советов: в Национальной академии обороны Украины, Национальной академии Пограничных войск Украины, Национальной академии Службы безопасности Украины, Национальном университете гражданской защиты МЧС Украины⁴⁹.

Украинские военные психологи понимают, что функционирование психологической службы в вооруженных силах невозможно без создания научного и методического фундамента психологической работы с военнослужащими. Для этого разрабатываются учебники, учебные пособия, методические рекомендации, памятки, комплекты наглядных пособий и т. д.

Отмечается, что в последние годы подготовлены монографии, учебники и учебно-методические пособия по следующим основным направлениям развития военно-психологической науки: психологическая специфика военной деятельности, проблемы и методы практической психологии в вооруженных

⁴³ Украинские военные психологи Андрей Козинчук и Наталья Шапошник: «Для солдата самый важный первый бой»...

⁴⁴ Военная психология в Украине: ее пытались уничтожить. Но она возродилась... ; Украинские военные психологи и психиатры прошли стажировку в Хорватии [Электронный ресурс] // URL: <https://health.unian.net/country/1252498-ukrainskie-voennyye-psihologi-i-psihiatryi-proshli-stajirovku-v-horvatii.html>

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Организация психологической помощи военнослужащим на примере армии Израиля: тезисы лекции военного психолога Альберта Фельдмана [Электронный ресурс] // URL: <http://medstrana.com/articles/6029/>

⁴⁷ 20 факторов из военного опыта Израиля, которые нужны Украине [Электронный ресурс] // URL: http://jewishnews.com.ua/ru/publication/20_faktorov_iz_voennogo_opita_izraeliya_kotorige_nuzhni_ukraine

⁴⁸ Военные психологи Латвии и Украины договорились о сотрудничестве [Электронный ресурс] // URL: <http://baltnews.lv/news/20161014/1017794804.html>

⁴⁹ Алещенко В.И. Военная психология: ретроспективный анализ и последующее развитие [Электронный ресурс] // URL: <http://repository.kpi.kharkov.ua/handle/KhPI-Press/18047>

силах Украины, психологическая коррекция, психологическая терапия; психологическое обеспечение, деятельность в экстремальных условиях; духовность, свобода совести военнослужащих, проблемы психофизиологии, психорегуляции поведения, адаптации; профессиональный отбор, психодиагностика; военная дисциплина; конфликтология, проблемы этики, общения. По этим направлениям работают украинские военные психологи: М.В.Макаренко, В.И.Осьодло, М.С. Корольчук, П.П. Криворучко, О.Д. Сафин, В.В. Стасюк и ряд других.

Вместе с тем анализ показывает, что разработка теоретико-методологического фундамента военной психологии в Украине является ее наиболее слабым местом. Контент-анализ и исследование существующих учебных изданий и материалов показали, что формирование методического фундамента деятельности украинских военных психологов идет тремя путями: 1) попытка выработать собственные методические рекомендации военнослужащим; 2) прямое (открытое, «белое») использование наработок зарубежных специалистов в области решения различных задач психологической работы; 3) широкое неправомерное («черное») некритическое заимствование теоретико-методических и технологических материалов из зарубежных источников. Наиболее интенсивно идет разработка методических средств для психологической работы в украинской армии путем неправомерного заимствования материала из различных источников, преимущественно российских. Оно происходит масштабно, с игнорированием авторского права и без страха за последствий.

В 2004 г. вышел, пожалуй, самый представительный учебник в истории украинской военной психологии — «Военная психология» В. Ягупова. Учебник содержит данные об особенностях функционирования и развития психики воина, социально-психологических явлениях в воинских. В нем изложены основные проблемы психологии малой группы и общения, психологические аспекты подготовки военнослужащих к боевым действиям. Учебник носит в значительной мере компилятивный характер и содержит неправомерно заимствованный материал. При этом в списке литературы отсутствуют источники, из которых эти заимствования осуществлены⁵⁰.

Широко тиражируемые в Украине, России и других странах книги профессора кафедры военной терапии украинской военно-медицинской академии О.Г. Сыропятова «Психология допроса военнопленных» и «Медико-психологическое сопровождение специальных операций» при проверке с помощью программы «Антиплагиат» показывают уровень неправомерных заимствований более 99 %. При этом автор не утруждает себя даже элементарной обработкой материала, просто перебрасывает с помощью компьютерной мышки параграфы и главы из чужих трудов⁵¹.

⁵⁰ См., напр.: Калинин Л.В., Караяни А.Г., Логинов И.П. Технологии морально-психологического обеспечения: актуальные проблемы теории и практики. М., 1997.

⁵¹ См., напр.: Караяни А.Г. Психология войны // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М. : РОСПЭН, 2002.

Даже разрабатывая «Памятку о психологической помощи военнослужащим, принимающим участие в антитеррористической операции» (2014 г.), украинские военные психологи целиком включили в нее памятку, подготовленную для участника боевых действий российских Вооруженных сил⁵². В ней слова «воин России» заменены словами «воин Украины», а остальное содержание практически целиком осталась «русским».

Существующий пробел в методическом обеспечении психологической работы частично заполняется методическими материалами, разработанными военными и гражданскими специалистами США, Израиля, Канады и других стран. На украинских сайтах можно найти ссылки на современные зарубежные (прежде всего американские) учебники по военной психологии, объявления о грантах, выделяемых на их перевод.

Завершая анализ состояния современной украинской военной психологии можно констатировать, что в последние годы в Украине осознана важность ее роли в строительстве вооруженных сил, психологическом обеспечении боевой деятельности и психологической реабилитации участников и ветеранов боевых действий. Это осознание сопровождается конкретными практическими шагами по созданию и развитию психологической службы в вооруженных силах: подготовкой военных психологов, заполнением штатных должностей офицерами-специалистами психологической работы, формированием научно-методической базы для деятельности военных психологов. В профессиональной подготовке военных психологов и психологическом обеспечении различных задач в районах боевых действий активное участие принимают гражданские психологи Украины и ряда государств Европы и Америки.

События гражданской войны в Украине происходят вблизи границ нашей страны и было бы непростительной ошибкой игнорировать их. Тенденции развития украинской военной психологии требуют более детального и всестороннего изучения и учета в практике деятельности психологической службы Вооруженных сил России. Сегодня уже совершенно очевидно, что военная психология, психологическая работа с военнослужащими представляют собой мощный ресурс, необходимый для эффективного решения боевых задач, выживания на поле боя и психологического возвращения комбатантов в мирную жизнь. Эффективно выполнять функцию психологического вспомоществования в боевой обстановке могут только военные психологи, работающие «на одной волне» с участниками боевых действий. Их подготовка должна осуществляться в мирное время в достаточном количестве и с требуемым качеством для решения оборонных задач. Базовыми профессиональными компетенциями в процессе их подготовке должны быть спо-

С. 38–50 ; Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология. СПб. : Питер, 2006. Их же. Введение в профессию военного психолога. М. : Академия, 2007.

⁵² Калинин Л.В., Караяни А.Г., Логинов И.П. Указ. соч.

собности осуществлять психологическую подготовку, психологическую помощь, реабилитацию и социально-психологическую реадaptацию участников боевых действий. Вопросы психологической работы в экстремальных условиях должны изучаться студентами-психологами в гражданских вузах. Необходимо критически изучать и ассимилировать опыт мировой военной психологии в решении оборонных задач.

Литература

1. Алещенко В.И. Военная психология: ретроспективный анализ и последующее развитие / В.И. Алещенко [Электронный ресурс] // URL: <http://repository.kpi.kharkov.ua/handle/KhPI-Press/18047>
2. Калинин Л.В. Технологии морально-психологического обеспечения: актуальные проблемы теории и практики / Л.В. Калинин, А.Г. Караяни, И.П. Логинов. М., 1997. 88 с.
3. Караяни А.Г. Американская военная психология как область специальной практики / А.Г. Караяни, Ю.М. Караяни, Ю.П. Зинченко // Национальный психологический журнал. 2014. № 1 (13). С. 63–71.
4. Караяни А.Г. Психология войны / А.Г. Караяни // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М.: РОСПЭН, 2002. С. 35–80.
5. Караяни А.Г. Прикладная военная психология / А.Г. Караяни, И.В. Сыромятников. СПб.: Питер, 2006. 480 с.
6. Караяни А.Г. Введение в профессию военного психолога / А.Г. Караяни, И.В. Сыромятников. М.: Академия, 2007. 208 с.
7. Ложкин Г.В. Военная психология в Украине с 1990 по 2012 год / Г.В. Ложкин, А.А. Блинов // Вестник Национального университета обороны Украины: сб. науч. тр. М.: НУОУ, 2013. Вып. 1 (32). С. 221–228.

РАЗРАБОТКА ПСИХОДИАГНОСТИЧЕСКОГО ОПРОСНИКА ИЗУЧЕНИЯ САМОРЕАЛИЗАЦИИ КУРСАНТОВ

Шогорева Елена Юрьевна,

доцент Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
8123001, Москва, ул. Б.Садовая, 14

В статье описана попытка создания и апробации диагностического средства, направленного на исследование самореализации курсантов. Автор, последовательно реализуя системный подход, рассматривает самореализацию в психологической системе, что позволяет по-новому взглянуть на изучаемый феномен и особенности его проявления у курсантов. Изучены некоторые психометрические характеристики апробируемой методики (внутренняя валидность, надежность методом расщепления, стандартизация — нормативные данные для выборки). Результаты психометрической проверки свидетельствуют о надежности и валидности методики. Факторный анализ позволил выделить группы утверждений, диагностирующих доминирующие потребности, позволяющие понять условия принятия военной профессии как способа самореализации. Описаны результаты стандартизации. Высокие результаты говорят о том, что курсант принимает и осознает профессию военного как способ самореализации. Низкие значения показывают отсутствие такого принятия.

Возможные сферы применения данной методики, прежде всего, связаны с задачей выявления военнослужащих с низкой выраженностью самореализации в рамках профотбора, организации контроля этапа становления военнослужащего на разных сроках обучения (службы), понимания причин неудовлетворенности учебой и для поиска возможности повышения ее эффективности, для обеспечения психопрофилактической, консультационно-коррекционной и профориентационной деятельности.

Ключевые слова: самореализация, системная парадигма, опросник диагностики самореализации курсантов.

DEVELOPMENT OF PSYCHODIAGNOSTIC QUESTIONNAIRE TO STUDY SELF-FULFILLMENT OF CADETS

Shogoreva Elena Yu.,

Assistant Professor of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

The article describes the attempt of development and testing of diagnostic tools aimed at the study of self-realization of military students. The author, consistently implementing systematic approach, considering self-realization in the psychological system, which allows new insights on the studied phenomenon and features of its manifestation to the students. We studied some psychometric characteristics of applied methods (internal validity, reliability by splitting, standardization - regulatory data for sampling). The results of psychometric test demonstrate the reliability and validity of the technique. Factor analysis allowed to identify issues, diagnose dominant needs to understand the conditions for the acceptance of the military profession as a way

of self-realization. The results of standardization. High results indicate that the military student accepts and understands the military profession as a way of self-realization. Low values indicate the absence of such adoption.

Possible applications of this technique are primarily associated with the task of identifying soldiers with a low degree of self-realization within the framework of professional selection, monitoring of the formation stage of soldier at different stages of training (service), understanding the causes of dissatisfaction with education and to search for opportunities to increase its efficiency, to provide psycho-prophylactic, consultative and rehabilitative and vocational activities.

Key words: self-realization, system paradigm, questionnaire of diagnostics of self-realization of military students.

Введение

Современный этап развития психологической науки характеризуется фундаментальной сменой объяснительной парадигмы, в рамках которой предметом психологии становятся не отдельные свойства, а целостный человек в интегративном взаимодействии всех его характеристик (Б.Г. Ананьев, 2001, В.П. Герасимов, 2013, В.Е. Ключко, 2000, С.И. Кудинов, 2014, Б.Ф. Ломов, 1999). Это предполагает новое осмысление базовых понятий и необходимость исследовать человека в процессе его жизненного воплощения, поэтому и проблема феномена самореализации военнослужащего не является исключением.

В этой связи несколько иначе, чем это было прежде, может быть осмыслено содержание целевых установок психодиагностической деятельности. Смещение акцентов с целевой составляющей психодиагностики приводит к тому, что вместо выявления бесконечного разнообразия частных психологических свойств или типологических особенностей человека основное внимание будет уделено вопросам диагностики наиболее существенных свойств (В.П. Герасимов, 2012, Е.Ю. Шогорева, О.А. Сычев, 2007). Понимание и интерпретация психологической реальности, с которой взаимодействует исследователь, психолог-практик, в терминах системного подхода требует наличия адекватных диагностических средств.

Анализ доступной литературы, посвященной проблеме диагностики самореализации, показал наличие незначительного числа психодиагностических средств, так, например, авторы (Э.В. Галажинский, 2002, Л.А. Коростылева, 2001, И.В. Сыромятников, 2007 и др.) ряда исследований для диагностики самореализации личности используют: «Тест самоактуализации Шострома в адаптации Л. Гозмана (САТ)» (Л.Я. Гозман, 1995). Также используется «Цель в жизни» (PIL — Purpose-in-Life Test) или «Тест смысловых ориентаций» (СЖО) (К.В. Муздыбаев, 1981, Д.А. Леонтьев, 2000). Одной из последних разработок является Многомерный опросник самореализации личности, разработанный С.И. Кудиновым, позволяющий выявить специфику самореализации субъекта в рамках авторского полисистемного подхода (С.И. Кудинов, 2008).

Поскольку в процессе анализа доступной литературы выявилось отсутствие таких приемов собственно для диагностики самореализации курсантов в терминах системного подхода, то перед нами прежде всего стояла задача в разработке адекватного диагностического инструментария, позволяющего установить изучаемый феномен.

Методика

Теоретический конструкт опросника самореализации курсантов. В основу разработанного опросника положено представление о том, что любая деятельность, которой человек занят, как образование, так и профессиональная деятельность, предполагают свободу выбора для субъекта, например, учиться или не учиться, т. е. осуществляться (самореализовываться) в учебной деятельности или нет, выбрать или считать профессиональную деятельность своим призванием или нет. Поэтому процесс самореализации выступает как возможность самому творить свой образ жизни, выходить за рамки существования и собственно творение себя, воплощение себя в той или иной деятельности, сделав собственный и произвольный выбор.

Согласно этому самореализация военнослужащих — это самовоплощение себя в военной деятельности, процесс самоосуществления, самотворения, когда субъект принимает или выбирает, или считает военную деятельность как способ самореализации. Осознание профессиональной деятельности субъектом как способа самореализации определяется возможностью удовлетворения им основных социальных потребностей: в защищенности, в положительных и социально одобряемых результатах деятельности, в популярности, в положительных жизненных перспективах, в творчестве. Кроме этого, самореализация — это одновременно и ощущение самодостаточности, успеха, превосходства и т. п. (В.П. Герасимов, 2012, Е.Ю. Шогорева, 2014).

С целью изучения самореализации курсантов нами был сконструирован опросник, направленный на выявление степени выраженности отношения субъекта к военной деятельности как способу самореализации, как самовоплощению себя в военной службе в период овладения ею, в настоящий момент и в ретроспективе (на начальных этапах обучения).

Описание структуры опросника. Предложенный опросник содержит 60 утверждений, которые позволяют определить, считает ли курсант военную деятельность как способ самореализации, что определяется возможностью удовлетворения им основных социальных потребностей: в защищенности, в положительных и социально одобряемых результатах деятельности, в популярности, в положительных жизненных перспективах, в творчестве и одновременно ощущении самодостаточности, успеха, превосходства. В данном опроснике 43 утверждения определяют степень выраженности отношения субъекта к военной службе в настоящий момент (шкала А «Самореализация курсантов»); и 17 ретроспективных утверждений диагностируют степень выра-

женности отношения субъекта к военной службе в прошлом, то есть касаются военных мироощущений на первоначальном этапе обучения, что позволяет определить наличие изменений в самореализации (шкала Б «Ретроспективная самореализация курсантов») (Приложение 1).

Шкала А «Самореализация курсантов» диагностирует степень выраженности отношения субъекта к военной службе в настоящий момент, позволяет установить наличие отношения у субъекта к военной деятельности как к способу самореализации, самовоплощения курсанта в военной деятельности, это одновременно и ощущения самодостаточности, успеха, превосходства и т. п. Утверждения следующего характера: «Я всегда мечтал о воинской службе, и она складывается именно так, как я мечтал», «Получаю удовольствие от службы», «Военная служба помогает раскрыть мой потенциал», «Я человек успешный именно благодаря службе в войсках», «Мне нравится карьера военного, и в этом смысле я вполне успешен», «Я думаю, что военная служба соответствует моему характеру» и т. п.

Шкала Б «Ретроспективная самореализация курсантов» определяет выраженность отношения субъекта к военной службе в прошлом, то есть вопросы касаются военных мироощущений на начальном этапе обучения и овладения профессией, позволяют определить наличие изменений в самореализации в течении времени. К ней относятся такие высказывания, как: «В начале обучения военной профессии ощущал, что военная служба — мой образ жизни», «Курсантом первого курса мог сказать, что военная профессия — мое призвание», «На первых курсах получал удовольствие от военной профессии и службы», «Курсантом чувствовал себя состоявшимся», «В начале обучения чувствовал, что нашел себя в военной службе», «Курсантом первого курса ощущал, что военная служба соответствует моим способностям» и т. п.

В целях стандартизации процедуры проведения тестирования опросник предъявляется на индивидуальных бланках при индивидуальном проведении, либо может использоваться устный способ предъявления в группе. Индивидуальное и групповое тестирование проводится с соблюдением всех стандартных правил психодиагностического обследования. Так, приступая к психодиагностическому обследованию, следует убедиться, что испытуемый или группа испытуемых максимально избавлена от негативного влияния посторонних факторов. Важным моментом организации тестирования является инструктирова-

ние испытуемых. После предъявления инструкции необходимо проверить, как испытуемые уяснили ее смысл. Инструкция к методике не ограничивает времени ответов.

Отвечать на пункты опросника испытуемый должен либо «Да (Согласен)», либо «Нет (Не согласен)». С тем чтобы сбалансировать методику относительно установки испытуемых на утвердительный или отрицательный характер ответов, наряду с прямыми утверждениями были сформулированы обратные утверждения, ключевым ответом на которые является ответ «Нет (Не согласен)». За каждый ответ, совпавший с «ключом», начисляется 1 балл, за несовпавший — 0 баллов. Полученные баллы по каждой из шкал суммируются. Максимально возможная сумма по «шкале А» будет равна 43 баллам, или 100 %; по «шкале Б» — 17 баллам, или 100%. Баллы по каждой шкале суммируются и сравниваются с нормативными данными, полученными при стандартизации методики.

Прежде чем опросник может считаться научно обоснованным методом измерения индивидуальных различий и может быть использован для практических целей, он должен пройти проверку по ряду специальных критериев, доказывающих их высокое качество и эффективность. К ним относятся надежность, валидность, стандартизация процедуры измерения, подсчета и интерпретации результатов (А. Анастази, 1982, П. Клайн, 1994).

Результаты и их обсуждение

Психометрический анализ опросника. Психометрические процедуры проводились на выборке, состоящей из курсантов 4 курса обучения ВУ в количестве 116 человек. Была проведена проверка диагностирующего материала на валидность, надежность и осуществлена стандартизация.

Проверка опросника на *валидность* осуществлялась приемом «внутренняя валидность». В этой связи следует отметить, что внутренняя валидность предложенной методики обеспечивалась специальной процедурой анализа и отбора заданий, которая, прежде всего, позволила из первоначального списка, включающего 93 утверждения, выбрать 60 наиболее дискриминативных (по количеству (доле) испытуемых, давших тот или иной ответ не более 80% и не менее 20%). Далее, был проведен корреляционный анализ каждого утверждения опросника с конечным результатом, осуществляемый с помощью коэффициента ассоциации альтернативных признаков, данные представлены в таблице 1.1.

Таблица 1.1. Корреляционные значения утверждений опросника «Самореализация курсантов»
(The correlation values of the claims questionnaire "Self-realization military students")

Шкала А	Коэффициент корреляции	Шкала А	Коэффициент корреляции	Шкала Б	Коэффициент корреляции
1	0,34*	23	0,46*	1	0,31*
2	0,27*	24	0,3*	2	0,28*
3	0,31*	25	0,57*	3	0,44*
4	0,3*	26	0,31*	4	0,45*
5	0,3*	27	0,32*	5	0,72*
6	0,41*	28	0,27*	6	0,72*

7	0,31*	29	0,29*	7	0,29*
8	0,3*	30	0,3*	8	0,8*
9	0,32*	31	0,31*	9	0,59*
10	0,29*	32	0,45*	10	0,83*
11	0,42*	33	0,32*	11	0,31*
12	0,29*	34	0,28*	12	0,28*
13	0,32*	35	0,37*	13	0,31*
14	0,28*	36	0,3*	14	0,3*
15	0,3*	37	0,52*	15	0,37*
16	0,46*	38	0,33*	16	0,29*
17	0,29*	39	0,31*	17	0,28*
18	0,32*	40	0,26*		
19	0,47*	41	0,29*		
20	0,37*	42	0,32*		
21	0,3*	43	0,29*		
22	0,45*				

Примечание: * — обозначены значимые коэффициенты корреляции, при $p < 0.05$.

Исходя из представления о тенденции самореализации как едином свойстве индивидуальности, нами был рассчитан коэффициент внутренней валидности Кьюдера-Ричардсона для опросника в целом, который составил 0,78 и статистически значим при $p < 0,05$, что свидетельствует о высокой внутренней валидности методики.

Помимо выделения вопросов, не являющихся пригодными для данного опросника, необходимо было определить «внутреннюю согласованность» шкал, что позволит говорить об однородности теста или степени согласованности утверждений. Внутренняя валидность, рассчитанная с помощью коэффициента корреляции Кьюдера — Ричардсона, оказалась равной: по шкале А — 0,77, по шкале Б —

0,76 и статистически значима при $p < 0,05$. Полученные результаты показывают, что разработанный опросник в своих частях характеризуется достаточной внутренней согласованностью и позволяет сделать вывод о высокой внутренней валидности шкал.

Последующая работа с применением процедуры факторного анализа ответов испытуемых позволила выделить группы утверждений, диагностирующих особенности самореализации и доминирующие потребности, позволяющие понять условия принятия военной профессии как способа самореализации.

Для факторизации использовался метод главных компонент с последующим вращением Varimax. Полученная в результате матрица факторных нагрузок приведена в таблице 1.2.

Таблица 1.2. Матрица факторных нагрузок утверждений опросника «Самореализация курсантов» (Matrix of Factor Loads of the Questionnaire Approvals “Self-realization military students”)

Утверждения	1	2	3	4	5
a43	0,757				
a9	0,702				
a4	0,691				
A	0,638	0,601			
a5	0,629				
a20	0,625				
a40	0,578	0,462			
a27	0,486				
a42	0,48				
a3	0,477				
a35	0,413				
a36		0,721			
a34		0,626			
a12		0,586			
a37		0,579			
a33		0,558		-0,446	
a29		0,555			

a28		0,543			
a19		0,516			
a38		0,509			
a14		0,49			
a22		0,486		0,42	
a30	0,403	0,467			
a6		0,411			
a17			0,627		
a15			0,624		
a2			0,605		
a26			0,568		
a21				0,624	
a18				0,612	
a31				-0,533	
a1				0,44	
a24				0,405	
a7					0,701
a16					0,581
a23					0,549
a25					0,487

Выделенные группы можно интерпретировать следующим образом:

1-й фактор — «смысл службы» — включает утверждения, касающиеся часто возникающих мыслей об оставлении службы, утверждения о том, что если бы можно было выбирать, то курсант выбрал бы другую специальность, утверждения о том, что еще в начале обучения возникали мысли бросить профессию военного, но не было понятной альтернативы, а также утверждения о том, что ощущены бессмысленности, ошибочности выбора военной службы и сожаления о выбранной профессии, кроме этого в данный фактор вошли утверждения, касающиеся соответствия военной профессии характеру, желанию и возможности побеждать и защищать.

2-й фактор назван «призвание», объединяет утверждения, оценивающие соответствие службы призванию курсанта и возможности раскрыть свой потенциал, которое ощущалось в начале обучения и подтверждается в процессе службы, выраженное соответствие службы способностям и склонностям будущего офицера в процессе обучения, утверждения, отражающие представления о себе как о самодостаточном человеке, также объединяет высказывания, связанные с эмоциональным удовлетворением, переживаемым в связи со службой, — утверждения, отражающие гордость, удовольствие и удовлетворение, испытываемое курсантом от военной службы, утверждения, отражающие ощущение себя состоявшимся, успешным, авторитетным, близкие испытывают гордость за военную службу, утверждения о том, что субъект нашел себя в службе, а также возможность общения с людьми и наличие авторитета.

3-й фактор означает «военная профессия — образ жизни», вопросы касаются интересных вещей

вне службы или исключительно наличие интересов в области военной профессии.

4-й фактор — «успех» — отражает отношение к службе, сформировавшееся в процессе профессионального становления и деятельности будущего офицера, он объединяет утверждения, связанные с пониманием службы как сферы самоутверждения, позволяющей добиться успеха и признания, прежде всего форме лидерства и подчинения себе других людей, возможности ощущать себя состоявшимся. В этом факторе объединились три группы утверждений — утверждения, связанные с соответствием военной службы способностям и склонностям курсанта, утверждения, отражающие стремление к лидерству, как в начале обучения, так и во время учебы, утверждения по поводу успешности карьеры и реализации возможностей добиться успеха, которые предоставляет военная служба.

5-й фактор — «самодостаточность» — связан с проявлением эмоционального удобства от нахождения на военной службе, утверждения того, что стал тем, кем хотел, главное в жизни — служба.

Таким образом, на основе результатов факторного анализа можно говорить о существовании ряда аспектов проявления самореализации военнослужащих и доминирующих потребностей, а выделенные факторы позволяют определить индивидуальные особенности ощущения самореализованности курсанта и условия такого принятия и осознания.

В соответствии с общепринятыми требованиями к психодиагностическим методикам одним из существенных показателей, характеризующих опросник с точки зрения его эффективности и пригодности для использования, выступает *надежность*, означающая точность, постоянство и устойчивость результатов измерения. Надежность является аспектом

валидности теста и основывается на оценке ошибки измерения. Тест не может быть валидным, если у него низкая надежность.

Для проверки *надежности* измерительного материала, позволяющего говорить об однородности опросника, использовался метод расщепления теста пополам (split-half) (П. Клайн, 1994). Все вопросы опросника были разделены на четные — нечетные по порядку расположения в каждой из шкал, затем проведен корреляционный анализ между полученными четной и нечетной шкалами. Результаты надежности, рассчитанные с помощью коэффициента корреляции Спирмена—Брауна, оказались равны: по шкале А — 0,68, по шкале Б — 0,84 и статистически достоверны при $p < 0,05$, что свидетельствует о достаточной стабильности шкал опросника. Таким образом, можно сделать вывод достаточно высокой надежности предложенной методики.

Применение психодиагностической методики в психологической практике предполагает, что психолог имеет возможность выносить обоснованные диагностические заключения относительно вы-

раженности у испытуемых измеряемого признака. Для этого необходимо располагать нормативными показателями, которые получены в *ходе стандартизации методики*, под которой понимается приведение оценок теста к виду, сопоставимому с результатами других методик, измеряющих данный признак.

Стандартизация опросника. Для получения нормативных данных был применен метод квартильного деления (разделение выборки стандартизации на четыре части). Статистические данные, полученные для нашей выборки (объем выборки стандартизации $N=116$ курсантов), позволили выделить четыре диапазона показателей: низкий уровень выраженности самореализации курсантов (значения ниже первого квартиля включительно), ниже среднего (выше первого и до второго квартиля включительно), выше среднего (выше второго и до третьего квартиля включительно) и высокий (выше 3 квартиля). Данные граничных значений баллов по шкалам опросника «Самореализация курсантов» приведены в таблице 1.3.

Таблица 1.3. Нормативные значения по шкалам опросника «Самореализация курсантов» (Normative values on the scales of the questionnaire “Self-realization military students”)

Шкала	Низкие	Ниже среднего	Выше среднего	Высокие
А «Самореализация курсантов»	0–26 баллов	27–31 баллов	32–36 баллов	37–43 баллов
Б «Ретроспективная самореализация курсантов»	0–4 баллов	5–9 баллов	10–14 баллов	15–17 баллов

Примечание: подсчет показателей осуществлялся делением результатов на квартили.

Обработка данных и интерпретация результатов. Обработка проводится в соответствии с «ключом». За каждый совпавший с «ключом» ответ присваивается 1 балл. Затем путем суммирования подсчитывается общий балл по двум шкалам отдельно.

Ключ:

Шкала А. Самореализация курсантов (43 утверждения):

1 балл присваивается за ответ «да» на вопросы: 1, 6, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 22, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43.

1 балл присваивается за ответ «нет» на вопросы: 2, 3, 4, 5, 8, 9, 18, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 27.

Шкала Б. Ретроспективная самореализация курсантов (17 утверждений):

1 балл присваивается за ответ «да» на вопросы: 1, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17.

1 балл присваивается за ответ «нет» на вопросы: 2, 3, 9, 12.

Низкий уровень выраженности самореализации курсантов: (Шкала «А»: 0–26 баллов, Шкала «Б»: 0–4 баллов), ниже среднего (Шкала «А»: 27–31 баллов, Шкала «Б»: 5–9 баллов), выше среднего (Шкала «А»: 32–36 баллов, Шкала «Б»: 10–14 баллов) и высокий (Шкала «А»: 37–43 баллов, Шкала «Б»: 15–17 баллов).

Степень выраженности показателей по шкалам позволяет определить характерную степень выраженности самореализации у курсантов (принимает и осознает курсант профессию военного как способ самореализации). Интерпретация результатов иссле-

дования производится в соответствии с приведенным выше описанием шкал опросника. Высокие результаты говорят о том, что курсант принимает и осознает профессию военного как способ самореализации. Низкие значения показывают отсутствие такого принятия.

Заключение

Возможные сферы применения данной методики, прежде всего, связаны с задачей выявления военнослужащих с низкой выраженностью самореализации в рамках профотбора, организации контроля этапа становления военнослужащего на разных сроках обучения (службы), понимания причин неудовлетворенности учебной и для поиска возможности повышения ее эффективности, для обеспечения психопрофилактической, консультационно-коррекционной и профориентационной деятельности.

Таким образом, полученные данные при апробации опросника свидетельствуют о том, что его шкалы, разработанные для диагностики самореализации курсантов, соответствуют общепринятым нормам психодиагностики. В заключение следует заметить, что работу по валидации и стандартизации данной методики, по всей видимости, еще нельзя считать оконченной. Вместе с тем предварительные данные о внутренней валидности методики, надежности позволяют сделать вывод о возможности ее использования в исследовательских целях.

Литература

1. Анастаси А. Психологическое тестирование : в 2 кн. / А. Анастаси ; под ред. К.М. Гуревича, В.Н. Лубовского. М. : Педагогика, 1982. Кн. 1—2. 366 с.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. СПб. : Питер, 2001. 288 с.
3. Герасимов В.П. Синергетическая антропология: опыт неклассического осмысления человека / В.П. Герасимов. Германия, 2012. 367 с.
4. Герасимов В.П. Синергетическая антропология: иное видение человека как природного феномена / В.П. Герасимов // Антропологическая психология в XXI веке: проблемы и перспективы : материалы V Сибирского психологического форума (г. Томск, 3—5 октября 2013 г.) : сб. науч. ст. Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2013. С. 62—65.
5. Гозман Л.Я. Самоактуализационный тест / Л.Я. Гозман, М.В. Кроз, М.В. Латинская. М. : Российское педагогическое агентство, 1995. 43 с.
6. Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности : дис. ... д-ра психолог. наук / Э.В. Галажинский. Томск, 2002. 320 с.
7. Ключко В.Е. Самореализация личности: системный взгляд / В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский ; под ред. Г.В. Залевского. Томск : Издательство Томского университета, 1999. 154 с.
8. Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов. Введение в психометрическое проектирование / П. Клайн ; под ред. Л.Ф. Бурлачука. Киев : ПАН Лтд, 1994. 282 с.
9. Коростылева Л.А. Психология самореализации личности (основные сферы жизнедеятельности) : дис. ... д-ра психолог. наук / Л.А. Коростылева. СПб., 2001. 398 с.
10. Кудинов С.И. Системная модель самореализации личности / С.И. Кудинов, А.И. Крупнов // Вестник РУДН. Сер. : Психология и педагогика. 2008. № 1. С. 28—36.
11. Кудинов С.И. Полисистемная концепция самореализации личности / С.И. Кудинов // Дизайн и Технологии. Научный журнал. 2014. № 41 (83). С. 114—121.
12. Леонтьев Д.А. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО) / Д.А. Леонтьев ; 2-е изд. М. : Смысл, 2000. 18 с.
13. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. М. : Наука, 1999. 350 с.
14. Муздыбаев К.В. Удовлетворенность жизнью, ощущение счастья, переживание смысла собственного бытия / К.В. Муздыбаев // Рабочий класс СССР на рубеже 1980-х годов. М., 1981. С. 181—198.
15. Сыромятников И.В. Психология профессиональной субъектности офицеров Вооруженных сил Российской Федерации : дис. ... д-ра психолог. наук / И.В. Сыромятников. М., 2007. 420 с.
16. Шогорева Е.Ю. Психодиагностика индивидуальности в системной парадигме / Е.Ю. Шогорева, О.А. Сычев. Новосибирск, НГУ, 2007. 74 с.
17. Шогорева Е.Ю. Системный подход к самореализации курсантов в образовательном процессе / Е.Ю. Шогорева // Военный академический журнал. 2014. № 1 (1). С. 76—81.

Приложение 1

Инструкция

«Вам будет предложен ряд утверждений, касающихся Ваших предпочтений в военной службе. Нам кажется, что Вам будет полезно узнать особенности и характер этих предпочтений. Поэтому мы ждем от Вас положительного отношения к процедуре и открытых ответов на поставленные вопросы. Полученная информация не станет достоянием посторонних лиц и будет обсуждена лично лишь с участником исследования.

Ознакомьтесь с приведенными утверждениями и для каждого примите решение, подходит ли оно Вам, согласны ли Вы с ним. Если утверждения соответствуют Вам хотя бы в малейшей степени, то Вы ставите «+» против номера утверждения на отдельном листке. Если данная характеристика Вам не соответствует, то ставите «-». Не размышляйте над утверждениями долго, выбирайте тот ответ, который кажется более подходящим с первого взгляда».

А

1. Я всегда мечтал о воинской службе, и она складывается именно так, как я мечтал.
2. Когда окончу вуз, я займусь интересными вещами, которыми мечтаю заняться.
3. Моя служба представляется мне крайне бессмысленной и бесцельной.
4. Если бы я мог еще раз выбирать, то я бы выбрал профессию совершенно другую.
5. Мне хочется все поменять.
6. Я горд от того, что служу (выбрал военную службу).
7. В неофициальной обстановке я не стесняюсь говорить, что служу.
8. Испытываю стеснение от военной формы (от ношения военной формы).

9. Жалею, что выбрал службу своей профессией.
10. Чувствую себя состоявшимся.
11. Служба — этой мой образ жизни (служба для меня образ жизни).
12. Чувствую удовлетворенность самим собой.
13. Чувствую себя самодостаточным.
14. Получаю удовольствие от службы.
15. Не хочу менять военную специальность, так как не знаю, чем можно еще заниматься, кроме службы.
16. Стал тем, кем хотел быть.
17. Мои хобби связаны с военной службой.
18. Буду служить, потому что нигде больше не пригужусь.
19. Нашел себя в службе.
20. Часто возникают мысли бросить службу.
21. Служу, потому что не люблю что-то менять в своей жизни.
22. Могу сказать, военная профессия — мое призвание.
23. Моя служба — это не главное в моей жизни.
24. Я не могу сказать, что воинская служба — это мое призвание.
25. В моей жизни есть более интересные дела, чем служба в войсках.
26. Интересные дела, которыми я занимаюсь вне службы, ни какого отношения к воинской службе не имеют.
27. Мне кажется, что я неудачно выбрал профессию.
28. Я думаю, что военная служба соответствует моим способностям.
29. Я думаю, что воинская служба соответствует моему призванию.
30. Я думаю, что военная служба соответствует моему характеру.

31. Я прежде всего лидер, и мне нравится подчинять себе людей.

32. Я человек успешный именно благодаря службе в войсках.

33. Я успешно продвигаюсь по службе, и это мне нравится.

34. Мне нравится карьера военного и в этом смысле я вполне успешен.

35. Служба дает мне ощущение обеспеченности.

36. Мои близкие гордятся тем, что я военный.

37. Военная служба помогает раскрыть мой потенциал.

38. Всегда стремился к авторитету, и это я достигаю в военной службе.

39. Служба для меня — это возможность выживания, зарабатывания денег.

40. Мне нравится служить с людьми, у меня постоянное общение.

41. Мне больше нравится быть в команде, и это успешно складывается у меня в военной службе.

42. Я люблю побеждать, и это осуществляется у меня в военной службе.

43. Мужчина — это защитник, и это реализуется в военной службе.

Б

1. Когда я был курсантом первого курса, моя военная служба складывается именно так, как я мечтал.

2. Когда стал учиться, мечтал, что по окончании вуза, я уйду и займусь интересными вещами, которыми мечтал заниматься.

3. На первых курсах мне хотелось все поменять.

4. В начале обучения чувствовал себя состоявшимся.

5. В начале обучения военной профессии ощущал, что военная служба мой образ жизни.

6. На первых курсах получал удовольствие от военной профессии и службы.

7. Курсантом первого курса не хотел менять военную специальность, так как не знал, чем можно еще заниматься кроме службы.

8. В начальный период обучения чувствовал, что нашел себя в военной службе.

9. В начальный период обучения часто возникали мысли бросить военную профессию.

10. Курсантом первого курса мог сказать, военная профессия — мое призвание.

11. Обучаясь на первых курсах, чувствовал, что военная служба раскрывала мой потенциал.

12. Курсантом первого курса мне казалось, что я неудачно выбрал профессию.

13. Курсантом первого курса ощущал, что военная служба соответствует моим способностям.

14. Начиная учиться, ощущал, что воинская служба соответствует моему призванию.

15. Когда начинал учиться думал, что военная служба соответствует моему характеру.

16. Я любил побеждать, и это осуществлялось у меня в начале обучения.

17. Когда начинал учиться, был лидером, и мне нравилось подчинять себе людей.

ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЯ «ТАЙНА» КАК СУЩЕСТВЕННОГО ЭЛЕМЕНТА ИССЛЕДОВАНИЯ СОХРАНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА

Белых-Силаев Дмитрий Владимирович,
главный редактор журнала «Юридическая психология»,
преподаватель Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации (ВУМО),
юрист, психолог
014130@mail.ru

Горленко Владимир Васильевич,
полиграфолог, доктор военных наук, профессор

В статье раскрываются категория «тайна» как явление, его сущность и содержание как существенного элемента исследования сохранения государственной тайны в Вооруженных силах Российской Федерации. Авторы на основе изучения работ ученых анализируют сущность феномена тайны с позиций философии, психологии и юриспруденции отмечают, что недостаточная разработанность самого понятия «тайна» создает дополнительные трудности в квалификации преступлений, связанных с разглашением государственной тайны.

Ключевые слова: тайна, вооруженные силы, государственная тайна, полиграфолог, криминалистические исследования с применением полиграфа.

ISSUE OF NOTION OF SECRET AS SIGNIFICANT ELEMENT OF RESEARCH OF STATE SECRET PRESERVATION AT SOLUTION AND INVESTIGATION OF CRIMES USING POLYGRAPH

Belykh-Silaev Dmitry V.,

*Editor-in-Chief of the Juridical Psychology journal,
Lecturer of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
Lawyer, Psychologist*

Gorlenko Vladimir V.,

Polygraph Examiner, Doctor of Military Sciences, Professor

The article reviews the category of secret as a notion, its essence and content as a significant element of research of state secret preservation in the Armed Forces of the Russian Federation. Based on the study of scientific works, the author analyzes the essence of the phenomenon of secret from the standpoint of philosophy, psychology and law and notes that insufficient development of the notion of secret itself creates additional difficulties for qualification of crimes related to state secret divulgence and cover-up thereof.

Key words: secret, armed forces, state secret, polygraph examiner, criminalistic examination using a polygraph.

Исследуя основные направления деятельности по предотвращению разглашения государственной тайны в Вооруженных силах Российской Федерации, необходимо определиться прежде всего с некоторыми общими понятиями, иначе, как справедливо подчеркивал В.И. Ленин, «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя “наткаться” на эти общие вопросы»¹, что, безусловно, скажется на результатах исследования. И одним из таких вопросов является понятие феномена «тайна».

В современной научной литературе недостаточно четко сформулировано понятие «тайна». Это создает определенные трудности при разработке системы мер по сохранению тайны, в том числе и государственной тайны, в органах, обеспечивающих защиту экономических, политических и военных интересов Российской Федерации. Одним из таких органов являются Вооруженные силы, успех деятельности которых всегда, а в настоящее время в особенности, в значительной степени зависит от того, насколько правильно обеспечивается сохранение тайны их деятельности как на территории нашей страны, так и за рубежом. Кроме того, именно отсутствие понятия объекта нарушения, т. е. самого понятия «тайна», в значительной степени обуславливает порой вынесение чрезвычайно мягких приговоров судами за измену Родине. В данной статье авторы предпринимают попытку проанализировать основные точки зрения на понятие «тайна» и попытаться с точки зрения философии и психологии сформулировать наиболее общее определение этой категории в современных условиях.

¹ Ленин В.И. Отношение к буржуазным партиям // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат, 1972. Т. 15. С. 368.

Как отмечают некоторые ученые², в нашей литературе не разработано само понятие «тайна». Более того, «ни один из нормативных правовых актов не содержит общеправового определения понятий “тайна”, “секрет”, “информация ограниченного доступа”. Это приводит, прежде всего, к путанице в самом законодательстве, к размытости правовореческих ориентиров в информационной сфере, к разной трактовке пределов охраняемой законом тайны. «Одно из негативных последствий такого состояния проблемы — крупные дефекты правореализационного процесса»³.

Вместе с тем следует отметить, что отдельные виды тайн (государственная, коммерческая, личная и т. д.) или их элементы исследовались учеными. Но ими были исследованы достаточно узкие (хотя и важные) вопросы сохранения секретной информации.

Словарь русского языка С.И. Ожегова дает следующее определение понятию «тайна»: «Тайна. 1. Нечто неразгаданное, еще не познанное. *Тайны Вселенной*. 2. Нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет...»⁴.

В российской философии понятие «тайна» было обделено вниманием исследователей. Есть несколько интересных, но далеко не бесспорных определе-

² Антопольский А.А. Правовое регулирование информации ограниченного доступа в сфере государственного управления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Институт государства и права РАН., 2004. 29 с.; Бондарь И.В. Тайна по российскому законодательству (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. 27 с.; Пермяков М.В. Категория «тайна» в системе правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 23 с.; Рабкин В.А. Конституционные основы защиты государственной тайны в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский университет МВД России, 2007. 26 с.

³ Бондарь И.В. Указ. соч. С. 4.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М.: Русский язык, 1984. С. 683.

ний этой категории. Так, К.С. Пирогов писал, что с философских позиций категория тайны представляет собой «необходимое формальное условие человеческого бытия в исходной двойственности явленного и скрытого, в которой она обнаруживается во всех важнейших смысловых горизонтах: начиная от устройства социальной действительности и вплоть до сферы чистого познания»⁵. А, например, И.В. Балашкина, подводя итог своему исследованию, делает вывод: «На основании вышеизложенного, с учетом прямой логической связи между понятиями “тайна” и “информация”, исходя из того, что информация в нашем понимании является не сведениями, а скорее способом их получения, представляется возможным определить тайну как социально-правовое явление, регулируемое нормами права и морали объектом которого является информация, обладающая свойством конфиденциальности или ограниченного доступа, незаконное получение, использование и разглашение которой влечет наступление общественно опасных последствий»⁶. Уже сам заголовок работы вызывает большие сомнения. Тайна и информация — это равноуровневые понятия, и поэтому, вероятно, тайна просто не может быть разновидностью информации. Кроме того, вызывает настороженность и такая посылка, предшествующая выводу (определению), как цитата: «...информация в нашем понимании является не сведениями, а скорее способом их получения». Информация и сведения действительно имеют логическую взаимосвязь, тут автор, безусловно, права, однако эта связь подчинена законам не только формальной, но и диалектической логики, так как в каждой информации имеются определенные сведения, а в каждом сведении — определенная информация. А как известно по закону формальной логики, вывод, сделанный из двух посылок, одна из которых неверна, не может считаться правильным. Кроме того, утверждение автора о том, что «разглашение которой влечет наступление общественно опасных последствий»⁷, на наш взгляд, необходимо расширить, так как общественно опасные последствия могут и не наступить в результате своевременных принятых мер. То есть не только «влечет», но и потенциально может повлечь такие последствия. Указанное подтверждает тот факт, что в нашей философской литературе категория «тайна» недостаточно осмыслена и исследована.

С точки зрения психологии данная проблема также не получила, на наш взгляд, достаточного внимания со стороны исследователей. В отечественной психологической литературе утвердилось мнение, что: «Тайна — 1) неразгаданное, непознанное, скрываемое от других событие; скрытая причина явления; 2) семантически значимая информация, исключая-

емая из процесса общения»⁸. Однако сами слова «неразгаданное» и «непознанное» противоречат друг другу. И действительно, если событие (причина явления) не разгаданно, то, естественно, оно и будет не познано на каком-то отрезке времени. А если оно познано, то оно и разгадано. А если разгадано, то, вероятно, уже и частично познано.

Вероятно, это категория наиболее полно разработана в юридической литературе.

Так, анализируя понятие «тайна» с точки зрения филологического подхода, И.В. Бондарь отмечает, что это понятие имеет два смысловых значения:

- нечто абсолютно неизвестное всем;
- нечто относительное неизвестное для какого-либо круга лиц⁹.

Автор вполне справедливо полагает, что общественные отношения, связанные с первым смысловым значением невозможно да и нецелесообразно полностью охватить правом, так как человек в процессе своей жизни и деятельности постоянно получает информацию, ранее не известную для него. И тут автор исследования, безусловно, прав, более того, «нечто неизвестное всем» просто не может быть «тайной», так как тут просто нечего скрывать. В отличие от этого второе смысловое значение требует правовой регламентации, так как некоторые виды сознательно скрываемой от кого-либо информации, обладающей действительной или потенциальной ценностью, требуют исследования и правовой регламентации¹⁰. Вместе с тем автор подчеркивает, что именно в силу этого обстоятельства предметом его «монографического исследования является тайна как информация (выделено нами. — Д.Б.-С., В.Г.), сознательно скрываемая от широкого круга лиц, охрана которой предусмотрена федеральным законодательством»¹¹.

С выделенной посылкой автора трудно согласиться. Так как сама «тайна» не может быть информацией. (Такой информации просто нет, а если есть, то это уже не тайна.) Она может быть только информацией о сведениях, которые скрываются от определенного круга лиц. Таким образом, человек является носителем не сведений, а информации о сведениях. **То есть тайна (в широком смысле) — это не конкретные сведения, а информация об этих сведениях и при ее получении человек узнает о том, что где-то в конкретном месте хранятся, имеются в наличии и т. д. скрываемое от кого-то, и это и будет утечкой информации, т. е. разглашением тайны.** И, следовательно, чтобы попытаться определить как категорию понятия «тайна», нам необходимо уточнить еще два понятия — «информация» и «сведения».

Советский энциклопедический словарь дает такое определение информации. «Информация (от лат. informatio — разъяснение, изложение), первоначально — сведения передаваемые людьми устным, пись-

⁵ Пирогов К.С. Философия тайны (Социальный эзотермизм) [Электронный ресурс] // URL: <http://philosophy.ru.ru/index.php?id=130#mystery>

⁶ Балашкина И.В. Тайна как разновидность информации: философско-правовые основания [Электронный ресурс] // URL: www.juristlib.ru/book_9399.ntml

⁷ Там же.

⁸ Психологический лексикон. Энциклопедический словарь : в 6 т. / ред.-сост. Л.А. Карпенко ; под общ.ред. А.В. Петровского. М. : ПЕР СЭ, 2006.

⁹ Бондарь И.В. Указ. соч. С. 11.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

менным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т. д.; с середины 20 века общенаучное понятие, включающее обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом; обмен сигналами в животном и растительном мире; передачу признаков от клетки к клетке, от организма к организму (см. *Генетическая информация*); одно из основных понятий кибернетики (см. *Информационная теория*)¹².

Словарь С.И. Ожегова определяет информацию как: «1. Сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальными устройствами (спец.). *Теория информации*. 2. Сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-нибудь. *Газетная информация...*»¹³.

Правовое определение понятия «информация» дано в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 2): «информация — сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления»¹⁴. Данное определение фактически уравнивает такие понятия как «информация» и «сведения».

Однако, как справедливо отмечает И.В. Бондарь: «Информация является содержательным наполнением тайны и по своей сути отличается от материальных вещей (имущества) — объектов права собственности по ряду существенных признаков. Это обусловлено ее нематериальной сущностью»¹⁵.

Понятия «информация» и «сведения» — категории взаимопроникаемые, но не тождественные. Информация может быть объективно существующей и представлять лишь потенциальные сведения, которые еще не познаны человеком¹⁶.

Другие авторы считают: «При определении информации предлагается основываться на том, что информация есть продукт отражения в сознании субъектов **реальных** (выделено нами. — *Д.Б.-С., В.Г.*) явлений, предметов и процессов, существующий в объективной форме независимо от создателя и обладающий свойствами воспроизводимости, или копируемости. Такие критерии, как достоверность информации, а также ее полезность и целевое назначение, целесообразно использовать не для определения, а для классификации информации. В силу изложенного предлагается определить информацию как «записанные или сообщенные сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления»¹⁷. В этом случае неизбежно возникает вопрос: а если это продукт «нереальных» явлений, например, появление которого и фиксирование лицом с больной психикой или появившееся в связи с «психологическим заражением», например, паника, «голоса», видения

и т. п., то можно ли рассматривать это как «информацию»? И как оценить «существование в объективной форме, независимо от создателя»? А если человек со здоровой психикой видит мираж в пустыне или на море, будет ли это по данному определению «информацией»?

Как отмечают исследователи, в философии накоплен значительный объем представлений о содержании понятия «информация». Так, по мнению Р.Ф. Абдеева, в философской науке существуют два различных подхода, две противостоящие друг другу концепции информации — атрибутивная и функциональная¹⁸.

Однако эти подходы не раскрывают в полной мере как условия и «механизм» восприятия информатизации познающим субъектом, так и методологических основ процедур, связанных с ее обработкой, в том числе с помощью средств вычислительной техники. Поэтому, другие исследователи считают, что для этой цели более плодотворен подход, который получил наименование «разнообразностной» концепции информации. В основе такого подхода лежит общенаучное понятие разнообразия, базирующееся на философских категориях различия, отражения и законе необходимого разнообразия. Пользуясь языком логики, можно сказать, что различие есть отрицание неразличимости, а сообщение, позволяющее ликвидировать состояние неразличимости, есть информация. Поэтому информацию можно трактовать как «снятую» неразличимость, как разнообразие¹⁹. «Информация — это разнообразие, которое один объект содержит в другом, это взаимное, относительное разнообразие. С позиций теории отражения информация может быть представлена как отраженное разнообразие, как разнообразие, которое отражающий объект содержит об отражаемом»²⁰. «Информация налицо там, где имеется разнообразие, неоднородность. Информация “появляется” тогда, когда хотя бы два “элемента” в совокупности различаются, и она “исчезает” тогда, когда объекты “склеиваются”, “отождествляются»»²¹.

Отправляясь от «разнообразностной» концепции информации, можно утверждать, что процесс ее выделения состоит в установлении разнообразия объекта познания, проявляющегося в разнообразии характеризующих его признаков, а это возможно тогда, когда такое разнообразие реально имеется и отображается, воспринимается познающим субъектом²². М.К. Бочаров указывал, что материя несет не информацию, а лишь содержание информации, которое должно быть извлечено и выражено в определенной форме. В этом случае содержанием информации естественно считать сведения о пред-

¹² Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 505.

¹³ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 217.

¹⁴ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс»

¹⁵ Бондарь И.В. Указ. соч. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ Антопольский А.А. Указ. соч. С. 11.

¹⁸ Абдеев Р.Ф. Философия информатизационной цивилизации. М.: ВЛАДОС, 1994. С. 162.

¹⁹ Компьютерные технологии в юридической деятельности: учебное и практическое пособие / под ред. Н.С. Полевого, В.В. Крылова. М.: БЕК, 1994. С. 7–10.

²⁰ Урсул А.Д. Информация. М.: Наука, 1971. С. 37.

²¹ Бирюков Б.В. Кибернетика и методология науки. М.: Наука, 1974. С. 243, 248.

²² Хургин В. Об определении понятия «информация» // Информационные ресурсы России. 2007. № 3. С. 3–4.

метах и явлениях природы, общества и мышления, а формой существования и передачи содержания информации — любые системы знаков или сигналов²³. А сама информация об объекте познания может быть не только воспринята познающим субъектом или техническим устройством (при соответствующей ее обработке), но и как бы отделена от ее первоисточника — отображения объекта познания²⁴.

Конечно, данную проблему можно рассмотреть и под другим углом²⁵. Важно также отметить, что информация обладает некоторыми общими для всех ее видов свойствами. Основным свойством информации является ее неразрывная связь с определенной самоорганизующейся системой. Другими важными свойствами являются структурированность и ценность²⁶.

Как подчеркивает В. Хургин: «...информация как таковая представляет собой категорию идеального, она неосознаема, непотребляема и не может быть объектом правоотношений безотносительно к ее носителю и содержанию. Информацию можно рассматривать как результат интеллектуального труда или знание научного, технического, технологического, коммерческого и другого характера. Как благо нематериальное информация является особым объектом гражданских прав. Для информации не страшен физический износ, она подвержена лишь моральному старению. Кроме того, ее важной особенностью является возможность неограниченного тиражирования, распространения и преобразования»²⁷. Т. Стоуньер в 1983 г. отмечал: «Важно понимать, что информация имеет некоторые специфические свойства. Если у меня есть 1000 акров земли, и я отдам кому-нибудь 500 акров, у меня останется лишь половина первоначальной площади. Но если у меня есть некоторая сумма информации, и ее половину я отдам другому человеку, у меня останется все, что было. Если я разрешу кому-нибудь использовать свою информацию, резонно полагать, что и он поделится со мной чем-нибудь полезным. Так что в то время как сделки по поводу материальных вещей ведут к конкуренции, информационный обмен ведет к сотрудничеству. Информация, таким образом, — это ресурс, которым можно без сожаления делиться»²⁸. (Речь не идет об информации, представляющей ценность в силу ее эксклюзивности или конфиденциальности.) Важно отметить, что ряд ученых обращали внимание и на такие свойства информации, как ее известная самостоятельность по отношению к своему носителю, возможность многократного использования одной и той же информации, ее неис-

чезаемость при потреблении, сохранение передаваемой информации у передающего субъекта и другие²⁹.

Как справедливо подчеркивает В. Хургин, при этом важно различать информацию как термин быденной жизни и как правовую категорию. Так, например, в быденной жизни информация — это просто сообщение о чем-либо, в научной сфере — это сведения, которые являются объектом изучения, хранения, переработки и передачи³⁰. Анализируя же информацию как предмет правоотношений, нельзя говорить о ней вообще, неконкретно. Информация и связанные с ней отношения не могут выступать в качестве объекта правового регулирования, если информация не выражена в любой объективной форме. И только по отношению к определенной форме выражения информации может быть установлен соответствующий правовой режим³¹. Информация имеет и такие свойства, как полезность, полнота, достоверность, новизна, ценность, которые характеризуют ее качественно. Количественно информацию можно оценить при помощи таких понятий, как объем, плотность, емкость, информативность³². И, наконец, информация как благо нематериальное имеет множество разнообразных смысловых оттенков. Так, в зависимости от тех или иных обстоятельств, в повседневной жизни информация может быть актуальной и устаревшей, объективной и субъективной, точной и ложной, основательной и необоснованной, многоплановой и однобокой, обличающей и оправдывающей, укрепляющей и компрометирующей, наконец, просто «хорошей» или «плохой»³³.

Говоря о понятии «сведения», следует отметить, что словарь С.И. Ожегова формулирует его как: «Сведение — 1. Знание, представление о чем-нибудь. *Довести до всеобщего сведения* (сделать что-нибудь известным всем). 2. *мн.* Познания в какой-нибудь области. *Обладать большими сведениями*. 3. обычно *мн.* Известие, сообщения. *Получить важные сведения...*»³⁴.

Существует и такая точка зрения, что сведения являются практически синонимом понятия «сообщения», которые в свою очередь являются одной из форм представления информации и выражаются в текстах, цифровых данных, изображениях, звуках, графиках, таблицах и др. Однако для нашего исследования, несомненно, что важной составляющей информации являются знания, а составляющими ее компонентами являются сведения, сообщения и данные, особенно когда говорят, что они используются в вычислительной технике в виде электронных (машиночитаемых) данных.

В сведениях содержится определенная информация, а в информации содержатся конкретные или общие сведения.

²³ Бочаров М.К. О понятиях «информация» и «знак» // НТИ. Сер. 2. 1967. № 2. С. 5—8.

²⁴ Компьютерные технологии в юридической деятельности...

²⁵ Снытников А.А. Туманова Л.В. Право граждан на информацию и вопросы защиты информации. Тверь, 1999. С...

²⁶ Куликовский Л.Ф., Мотов В.В. Теоретические основы информационных процессов. М.: Высшая школа, 1987. Раз. 1. Хургин В. Указ. соч. С. 9.

²⁷ Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 392.

²⁹ Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления. М., 1978.

³⁰ Хургин В. Указ. соч. С. 9.

³¹ Дозорцев В.А. Законодательство и научно-технический прогресс. М.: Прогресс, 1978.

³² Снытников А.А. Туманова Л.В. Указ. соч.

³³ Хургин В. Указ. соч. С. 9.

³⁴ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 608.

Эти две категории можно попытаться проанализировать с точки зрения формы и содержания. Как мы знаем из классики: форма всегда содержательна, а содержание всегда оформлено. Так что же из категорий «информация» и «сведения» может быть формой, а что содержанием этой формы? Любые сведения передаются (или становятся известными) в виде конкретной информации, как, впрочем, и любая информация переданная (или ставшая известной) передается и получается в виде определенных сведений. Внутри информации сведения являются ее структурным элементом (как бы каркасом), который позволяет как-то систематизировать конкретную информацию и в дальнейшем использовать ее по назначению. Внутри сведений содержащаяся в них информация позволяет структурировать сведения по группам (важности, значимости и т.д.), тем самым позволяя и «облегчая» процесс установления (составления) иерархии этих сведений в структуре общей информации. Здесь наиболее четко и проявляется диалектическая взаимосвязь этих двух категорий и их взаимозависимость.

Категория «тайна» — это более общее понятие. Поэтому в определенном смысле можно сказать, что категории «информация» и «сведения» являются как бы обслуживающими ее и более узкими по сравнению с категорией «тайна». Конечно, эти две категории выполняют такую, как бы подчинительную, роль только применительно к категории «тайна», а, если так выразиться, в остальной жизни, вне этой категории, они гораздо шире и, возможно, объемней категории «тайна». Но это уже выходит за рамки нашей работы.

Как справедливо подчеркивают некоторые исследователи, одни авторы определяют тайну как сферу объективной реальности, скрытую от нашего восприятия или понимания (А.А. Фатьянов). Другие считают, что главное в тайне — сохранение негласности обстоятельств (Л.Е. Владимиров), третьи считают что это определенная информация о действиях лица (Л.О. Красавчикова), а четвертые, солидаризируясь с И.В. Смельковой, утверждают: «Тайна может быть определена как особым образом охраняемый законом блок секретной или конфиденциальной информации известной или доверенной узкому кругу субъектов с силу исполнения служебных, профессиональных или иных обязанностей или отдельных поручений, разглашение которых может повлечь юридическую ответственность, при этом (они считают. — Д.Б.-С., В.Г.) необходимо дополнить, что, во-первых, юридическая ответственность наступает не только за разглашение тайны, но и за незаконное получение и использование. Во-вторых, содержание понятия «тайна», с одной стороны, должно включать в себя категорию «интерес», а с другой стороны, должно раскрывать понятие «доступ к информации»³⁵. При этом под «доступом к информации» автор понимает «возможность или право свободного поиска, получения и использования определенными сведениями»³⁶. Исходя из изложен-

ного, автор предлагает «на порядок (выделено нами. — Д.Б.-С., В.Г.) сузить круг сведений, относящихся к государственной тайне. В частности, к разряду государственной тайны могут относиться только такие сведения, разглашение которых **чрезвычайно опасно** (выделено нами. — Д.Б.-С., В.Г.) для общества и личности»³⁷. Вполне естественно возникает вопрос определения критерия «чрезвычайно опасно», что представляется чрезвычайно сложным и динамичным для каждого конкретного периода в жизни общества, да и личности. Кроме того, последствия от «утечки» закрытой информации, как правило, несут угрозы обществу в ближайшее время и могут кардинально изменяться даже не в столь отдаленной, не говоря уже об отдаленной, перспективе. Например, информация о разработке принципиально новых видов вооружений. Кроме того, если рассуждать с точки зрения исследователя права о важности в определении «тайны» интереса, то при анализе самого понятия «тайна», понятие «интерес», на наш взгляд, включать в определение «тайна», вероятно, излишне.

Другие авторы утверждают, что достаточно изменить содержание нескольких статей УК РФ³⁸, и сама проблема с уточнением понятия «тайна» и «государственная тайна» просто исчезнет, так само определение государственной тайны давно сформулировано законодательно, а категории сведений, составляющих государственную тайну, представлены в ФЗ РФ «О государственной тайне»³⁹.

Некоторые исследователи предлагают считать, что «тайна» — это разновидность социальной информации, предназначенная для ограниченного круга субъектов, скрываемая ими от остальных, разглашение которой может причинить вред общественно значимым интересам»⁴⁰.

Наиболее удачным изложением, на наш взгляд, можно считать определение понятия «тайна», предложенное И.В. Бондарь, который считает, что «тайна» — это представленная в нематериальной форме или на физических носителях и имеющая потенциально духовно-нравственную, коммерческую либо иную общественно значимую ценность информация, известная ограниченному кругу лиц, доступ к которой ограничен действующим федеральным законодательством, в связи с чем ее владелец либо иной обладатель принимает необходимые меры к охране ее конфиденциальности, разглашение которой влечет за собой юридическую ответственность»⁴¹. Однако, на наш взгляд, к данному определению целесообразно добавить следующее положение: «...как для лица, которое не должно было законным путем получить данную информацию, так и для ее законного владельца».

Вместе с тем это определение в значительной степени раскрывает феномен «тайна», так сказать, с юридическим уклоном.

³⁷ Там же. С 16.

³⁸ Рабкин В.А. Указ. соч. С. 9.

³⁹ Там же. С. 11.

⁴⁰ Антопольский А.А. Указ. соч. С. 18–19.

⁴¹ Бондарь И.В. Указ. соч. С. 19.

³⁵ Пермяков М.В. Указ. соч. С. 12.

³⁶ Там же. С. 13.

Сама тайна может быть классифицирована по различным основаниям. Как отмечают исследователи⁴², только в Федеральных законах современного законодательства упоминается свыше 40 разновидностей тайны, которые выступают в виде прямых ограничений при реализации информационных прав и свобод граждан. При этом порой наблюдается достаточно выраженная несогласованность и их вычленении⁴³, что создает дополнительные трудности для полиграфолога при формулировании проверочных вопросов.

Что касается понятия «государственная тайна», следует подчеркнуть, что ст. 2 раздела I Федерального закона «О государственной тайне» определяет государственную тайну как «защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации». А перечень сведений, составляющих государственную тайну как «совокупность категорий сведений, в соответствии с которыми сведения относятся к государственной тайне и засекречиваются на основаниях и в порядке, установленных федеральным законодательством»⁴⁴.

Таким образом, исходя из ранее изложенного, с более общей философско-психологической точки зрения, понятие «тайна» может быть сформулировано как *информация о каком-либо объекте, субъекте, предмете, событии, явлении, процессе, которая является собственностью объекта или субъекта и разглашение сведений о которой в любой форме (полностью или частично) может быть использовано третьей стороной, не являющейся законным ее обладателем, для нанесения (или возможного нанесения) реального или потенциального ущерба собственнику этой информации*. В своей работе полиграфолог при выяснении обстоятельств расследуемого события, опираясь на перечень сведений, составляющих государственную тайну, с учетом общего определения понятия «тайны» способен выполнить стоящую перед ним задачу.

Литература

1. Абдеев Р.Ф. Философия информатизационной цивилизации / Р.Ф. Абдеев. М. : ВЛАДОС, 1994. 336 с.
2. Антопольский А.А. Правовое регулирование информации ограниченного доступа в сфере государственного управления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Антопольский. М., 2004. 29 с.
3. Балашкина И.В. Тайна как разновидность информации: философско-правовые основания / И.В. Балашкина [Электронный ресурс] // URL: www.juristlib.ru/book_9399.html
4. Бирюков Б.В. Кибернетика и методология науки / Б.В. Бирюков. М. : Наука, 1974. 414 с.
5. Бондарь И.В. Тайна по российскому законодательству (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Бондарь. Нижний Новгород, 2004. 27 с.
6. Бочаров М.К. О понятиях «информация» и «знак» / М.К. Бочаров // НТИ. Сер. 2. 1967. № 2. С. 5–11.
7. Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления / А.Б. Венгеров. М., 1978. 208 с.
8. Дозорцев В.А. Законодательство и научно-технический прогресс / В.А. Дозорцев. М. : Прогресс, 1978. 192 с.
9. Компьютерные технологии в юридической деятельности : учебное и практическое пособие / под ред. Н.С. Полевого, В.В. Крылова. М. : БЕК, 1994. 303 с.
10. Куликовский Л.Ф. Теоретические основы информационных процессов / Л.Ф. Куликовский, В.В. Мотов. М. : Высшая школа, 1987. Раз. 1. 248 с.
11. Ленин В.И. Отношение к буржуазным партиям / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1972. Т. 15. С. 368–388.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М. : Русский язык, 1984. 797 с.
13. Пермяков М.В. Категория «тайна» в системе правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Пермяков. Нижний Новгород, 2006. 23 с.
14. Пирогов К.С. Философия тайны (Социальный эзотеризм) / К.С. Пирогов [Электронный ресурс] // URL: http://philosophy.ru.ru/index.php?id=130#mystery/
15. Рабкин В.А. Конституционные основы защиты государственной тайны в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Рабкин. М. : Московский университет МВД России, 2007. 26 с.
16. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь : в 6 т. / ред.-сост. Л.А. Карпенко ; под общ. ред. А.В. Петровского. М. : ПЕР СЭ, 2006. 176 с.
17. Снытников А.А. Право граждан на информацию и вопросы защиты информации / А.А. Снытников, Л.В. Туманова. Тверь, 1999. 192 с.
18. Советский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1980. 1600 с.
19. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики / Т. Стоуньер // Новая технократическая волна на Западе. М. : Прогресс, 1986. С. 392–409.
20. Хургин В. Об определении понятия «информация» / В. Хургин // Информационные ресурсы России. 2007. № 3. С. 3–9.
21. Урсул А.Д. Информация / А.Д. Урсул. М. : Наука, 1971. 293 с.

⁴² Там же. С. 19–20.

⁴³ Там же. С. 20.

⁴⁴ Федеральный закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» // СПС «КонсультантПлюс».